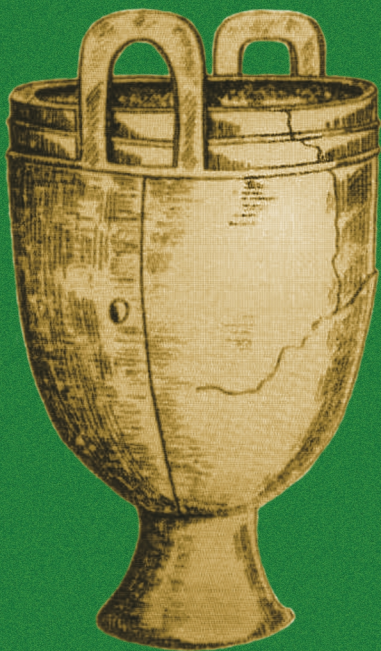

ISSN 2619-1229

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
TURKOLOGICAL STUDIES

Том 6, № 2
Vol. 6, No. 2

2023

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023, том 6, № 2

ISSN 2619-1229 (Print)

07.00.00 Исторические науки и археология
07.00.15 История международных отношений и внешней политики
10.00.00. Филологические науки

Журнал «Тюркологические исследования» (*Turkological Studies*) международный рецензируемый периодический журнал, освещающий научные достижения в различных направлениях тюркологических исследований. Материалы в журнале публикуются на русском, английском, турецком и татарском языках. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018 (печатное СМИ, журнал).

Зарегистрировано в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN 2619-1229 (Print).

Издаётся с 2018 года. Периодичность – 4 выпуска в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Фахрутдинов Раиль Равилович

ИЗДАТЕЛЬ:

Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес: ул. Кремлёвская, 10/15, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111.

Тел.: +7 (843) 221-33-21.

ПАРТНЁРЫ

Институт международных отношений КФУ.

Адрес: ул. Пушкина, д. 1/55, каб. 312, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008.

Вебсайт: <https://kpfu.ru/imoiv>

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Вебсайт: <http://turkological-studies.ru/ru/>

Email: turkologstudies@gmail.com

Индекс подписки: 64982. Каталог НТИ ОАО «Агентство “РОСПЕЧАТЬ”».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Фахрутдинов Раиль Равилович – доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

ШЕФ-РЕДАКТОР

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хабибуллина Эльмира Камилевна – председатель редакционной коллегии, кандидат филологических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Гаркавец Александр Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Казахский научно-исследовательский институт культуры, г. Нур-Султан, Казахстан

Гилязов Искандер Аязович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан.

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), профессор, Университет Мармара, г. Стамбул, Турция

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Сафарян Александр Виленович – кандидат исторических наук, профессор, Ереванский государственный университет, Армения

Ситдигов Айрат Габитович – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Ильяс Топсакал – доктор, профессор, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, профессор Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Хайати Девели – доктор, профессор, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор, Назарбаев университет, г. Нур-Султан, Казахстан

Ярмакеев Искандер Энгелевич – доктор педагогических наук, профессор, Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Абзалов Ленар Фиргатович – ответственный секретарь, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Фахрутдинова Анастасия Викторовна – научный редактор, доктор педагогических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Витоль Евгений Владимирович – ответственный за выпуск, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

TURKOLOGICAL STUDIES

2023. Vol. 6, No. 2

ISSN 2619-1229 (Print)

07.00.00 Historical sciences
07.00.15 History of international relations and foreign policy
10.00.00 Philological Sciences

“Turkological Studies” – the Journal international peer-reviewed periodical journal covering scientific achievements in various areas of Turkic research. Materials in the journal are published in Russian, English, Turkish and Tatar. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

PUBLICATION INFORMATION

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications and Information Technology and mass communications. Registration certificate PI No. FS 77–73017 dated 06/06/2018 (print media, magazine).

Registered with the National ISSN Agency of the Russian Federation, ISSN number: **2619-1229** (Print).

Published since 2018 with a frequency of 4 issues per year.

FOUNDER

Rail Fahrutdinov

PUBLISHER

Autonomous non-profit organization «Institute of Cultural Heritage».

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Tel.: +7 (843) 221-33-21.

PARTNERS

Institute of International Relations KFU.

Address: 1/55, Pushkin str., off. 312, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Website: <https://kpfu.ru/imoiv>

EDITORIAL

Address: 3, M. Mezhlauk str, off. 117, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Website: <http://turkological-studies.ru>

Email: turkologstudies@gmail.com

CHIEF EDITOR

Rail R. Fakhrutdinov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS

Ramil R. Khairutdinov – Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Elmira K. Khabibullina – chairman of the editorial board, Ph.D (Philol.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Airat G. Sitdikov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Radif R. Zamaletdinov – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication KFU, Kazan, Russian Federation

Iskander E. Yarmakeev – Ph. D habil. (Ped.), Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication KFU, Kazan, Russian Federation

Uli Schamiloglu – Ph. D (Hist.), Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan

Iskander A. Gilyazov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Tatar encyclopedia and regional studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Ilnur M. Mirgaleev – Ph. D (Hist.), Institute of History Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Vadim V. Trepavlov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ilya V. Zaytsev – Ph. D habil. (Hist.), Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander N. Garkavets – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Kazakh research Institute of culture, Nur-Sultan, Kazakhstan

Alexander V. Safaryan – Ph. D (Hist.), Professor, Yerevan state University, Yerevan, Armenia

Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Ilyas Kemaloglu – Ph.D (Hist.), professor, Department of History, Marmara University, Istanbul, Turkey

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

Lenar F. Abzalov – **Executive secretary**, Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Anastasia V. Fahrutdinova – Scientific editor, Ph. D habil. (Pedag.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Evgeniy V. Vitol – Responsible for the release, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	7
Эдиев Д.М. Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика.....	7
Костогрызова С.Е. Историография несторианства у тюрко-монгольских народов.....	29
Нафиков И.З., Ахметшина И.Н. Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.».....	45
Гарифуллин И.З. Особенности возникновения татарского национального движения Башкортостана.....	57
НАСЛЕДИЕ	64
Фахрутдинов Р.Р. Этноним «татары» в исторических источниках. Часть 2.....	64

CONTENTS

ARTICLES	7
Dalkhat M. Ediev. Graphics of the Kyafar Mausoleum as a Reflection of the Ascension to the Power of Prince Yoryuzmek of the Karachay-Balkarian Nart Epic – the Alanian king.....	7
Kostogryzova S.E. The Historiography of the Nestorianism Among the Turkic-Mongolian People	29
Nafikov I., Akhmetshina I. Helmut Karl Bernhard von Moltke «Letters on Conditions and Events in Turkey in the Years 1835–1839».....	45
Garifullin I.Z. Features of the Emergence of the Tatar National Movement of Bashkortostan	57
LEGACY	64
Fakhrutdinov R. The Ethnonym "Tatars" in Historical Sources. Part 2.....	64

С Т А Т Ь И

УДК 904(470.631)+398.2

ГРАФИКА КЯФАРСКОГО МАВЗОЛЕЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОСХОЖДЕНИЯ ВО ВЛАСТЬ КНЯЗЯ ЁРЮЗМЕКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА – АЛАНСКОГО ЦАРЯ ОРОСМИКА

Д.М. Эдиев

*Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Российская Федерация
ediev@ncsa.ru; dalkhat@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-7503-5142*

Николаю Анатольевичу Охонько, чьи смелость и честность в сохранении и публикации исходной графики памятника сделали возможным потрясающе чёткий взгляд в далекое прошлое; чьё научное провидение позволило подметить тонкие детали сюжета и его теснейшую связь с нартским эпосом.

Резюме. В статье рассматривается сюжет рельефов на стенах Кяфарского аланского мавзолея, который, по-видимому, тесно связан с нартским эпосом карачаево-балкарского народа. На основе расшифровки смыслов рельефных изображений рассмотрены исторический и политический контекст эпоса и мавзолея, а также вопросы о личности человека, когда-то похороненного в гробнице.

Ключевые слова: Кяфарский мавзолей, аланы, карачаево-балкарцы, нартский эпос, царь Росмик.

Для цитирования: Эдиев Д.М. Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика. *Туркологические исследования.* 2023;6(2):7–28.

GRAPHICS OF THE KYAFAR MAUSOLEUM AS A REFLECTION OF THE ASCENSION TO THE POWER OF PRINCE YORYUZMEK OF THE KARACHAY-BALKARIAN NART EPIC – THE ALANIAN KING

Dalkhat M. Ediev

North-Caucasian State Academy

Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, Russian Federation

ediev@ncsa.ru; dalkhat@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-7503-5142

To Nikolay Okhonko, whose courage and integrity in preserving and publishing the original artwork of the monument made it possible to have a remarkably clear glimpse into the distant past; whose scholarly foresight allowed for the recognition of subtle narrative details and their close connection to the Nart epic.

Abstract. This paper discusses the intricate narrative of the reliefs on the walls of the Alanian Kyafar mausoleum, which appears to be related to the Nart Epic of the Karachay-Balkar people. Based on decoding of the relief's plot, we consider the historical and political context of the epic and the mausoleum, and raise questions about the identity of the person once buried in the tomb.

Keywords: Kafar mausoleum, Alans, Karachay-Balkarians, Nart epic, King Rosmik.

For citation: Ediev D.M. Graphics of the Kyafar Mausoleum as a Reflection of the Ascension to the Power of Prince Yoryuzmek of the Karachay-Balkarian Nart Epic – the Alanian king Orosmik. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(2):7–28. (In Russ.)

Введение

Кяфарский мавзолей является уникальным археологическим памятником аланского периода в верховьях реки Кяфар в Карачаево-Черкесии. Предположительно, это место захоронения одного из аланских царей. Кяфарское городище считается потенциальной локацией легендарной столицы Алании Маг'ас (Муз-ашан китайской хроники [4]). По нашему мнению, это может быть Мал-аша, указанная на карте аль-Идриси [3, 26] как раз в районе городища.

Каменный памятник покрыт рельефными изображениями, которые выделяются своим количеством, выразительностью и детальностью сюжета среди аланских памятников. Изучению этого мавзолея было уделено много работ, в частности работы Н.А. Охонько [20–22], которые убедительно показывают, что изображения на памятнике образуют внутренне связанную композицию, прославляющую главного героя, и имеют прямые параллели с кавказским нартским эпосом. Также стоит отметить работы В.А. Кузнецова, одного из пионеров в изучении этого мавзолея [14–17].

К сожалению, история исследования Кяфарской гробницы является ярким примером предвзятости отечественной аланистики, которая до сих пор

избегает освещения аланского прошлого карачаево-балкарцев¹. Вообще, отечественное кавказоведение по сути строилось на «омоложении» истории тюрков карачаево-балкарцев на Кавказе [1], и аланский вопрос стал частью этой традиции. В анализе Кяфарского мавзолея исследователи искали разгадку изображений не у карачаево-балкарцев, населявших район памятника, а в отдаленной Осетии и даже за пределами Кавказа. В результате, даже у Н.А. Охонько, который, на наш взгляд, ближе всего подошел к разгадке графики памятника и точно уловил, что она составляет цельный сюжет, связанный с местным нартским эпосом в сочетании с христианскими элементами, расшифровка смыслов изображений оказалась неполной, иногда опирающейся на дальние аналогии, местами неточной, не вполне связанной в единый сюжет.

Между тем, поиск смыслов мавзолея в карачаево-балкарском эпосе оказывается успешным. Сюжет строится от начала до конца, и удается идентифицировать и назвать по имени всех основных персонажей этого сюжета. Анализ памятника в сочетании с карачаево-балкарским нартским эпосом позволяет уточнить интерпретацию объектов и самого Кяфарского городища. Более того, данный памятник помогает более точно определить структуру нартского эпоса карачаево-балкарцев.

Методы и материалы

Основным источником информации о графике мавзолея является последняя работа Н. Охонько, который опубликовал детальные снимки и оцифрованные рельефы мавзолея в превосходном качестве [22], предоставив исследователям возможность самостоятельного их прочтения. Цифровая модель памятника доступна на сайте виртуального лапидария Ставропольского государственного музея-заповедника [23]. Рельефы мавзолея выступающие, за счет углубления фона, что, видимо, было сделано для исключения более поздних «пририсовок». Несколько фотографий с Кяфарского городища, использованных в анализе – авторские. По нартскому эпосу карачаево-балкарцев, исполь-

¹ Оба этнонима можно возвести к топонимам домонгольского периода, упомянутых аль-Идриси [3, 25], которые связаны с северокавказским регионом, где пересекаются или находятся царства Алан и аль-Сарир:

(i) Поселение и горный перевал *Кароян/Караян* (возможно, Кара-ян, букв. "черная сторона") в верховьях Кубани на горе Эльбрус, где по сей день находится историческое ядро карачаевских поселений. Термин "кара" (черный) у древних тюрков использовался для обозначения севера, особенно северного склона горы. Поэтому топоним можно интерпретировать как относящийся к Северному Кавказу или северному склону горы Эльбрус.

(ii) Гора *Маргар*, - видимо, древнее обозначение горы Эльбрус. Аль-Идриси, по всей видимости, ошибочно дублировал Эльбрус и поместил в Центральную Азию и верховья реки Дон, как следует из описания в этих регионах «высокой горы, неприступной из-за постоянного ледяного покрова», присутствия названия Русь для реки, исходящей из этой горы (аналогично Кубани и Дону, которые также называются "русскими" реками), а также упоминания ценного животного *ан-Нубр* (Центральная Азия) и народа *ан-Нубрийцы* (верховья Дона). *ан-Нубр* (النبر), вероятно, является искаженной формой аз-Зубр (الذبر), кавказского зубра, от русского информатора, учитывая другие северокавказские славянские топонимы на карте аль-Идриси. *Маргар* мог быть источником современных гидронимов *Малка/Балык-су* на северо-восточном склоне Эльбруса, а также этнонимов *Малкяр/Балкар* и *Малгар/Маргал* (мингрелы на карачаево-балкарском языке).

зовано академическое издание [18], содержащее как исходные тексты, так и переводы на русский язык. Издание доступно для скачивания [19]. Некоторые переводы фрагментов эпоса на русский язык – авторские. Помимо исходной графики и текстов эпоса, для обсуждения исторического контекста полученных результатов, использованы исторические, лингвистические, нумизматические и сфрагистические источники.

Отправной точкой для нашей расшифровки послужил фрагмент северной стены мавзолея [22] с котлом на цепи, свисающим с неба (см. вставку слева). Этот образ недвусмысленно переносит нас в карачаево-балкарский нартский сюжет о борьбе нарта Ёрюзмека (Схуртукова) с трусливым божеством-князем Красным (Рыжим) Фуком, который подчинил нартов и – будучи на небе – требовал дани в виде мяса и зерна, которые должны были помещаться в котел, спускавшийся с неба на цепи и не поднимавшийся обратно, пока не заполнится. На рисунке мы видим эпизод эпоса, когда нарты решили не платить дань (дичь осталась для самих нартов на столике, что, как мы увидим далее, противопоставлено древним художником пустому столику на другом фрагменте) и заполнить ожидавший дани котел камнями [18, с. 76, 311]. Процесс закидывания камней в котел изображен особо выразительно, в динамике. Сцена обзревается самим Фуком в образе орла, в котором он и улетает на небо в нартском эпосе. Столь детальное совпадение сюжетов графики мавзолея и карачаево-балкарского эпоса, как мы увидим далее, легко распространяется и на другие части памятника, но именно приведенный фрагмент является своего рода меткой, чётко связывающей мавзолей с эпосом и дающей ключ к разгадке всего сюжета. Этот фрагмент так же указывает на главных положительных героев, изображенных практически на всех плитах – нартского князя Ёрюзмека и его супругу, по советам которой он совершает свои подвиги, – Сатанай, дочь тейри Солнца и Луны (к ним, начиная с северной стены, присоединяется их приемный сын Сосурукъ, см. ниже). Главные отрицательные герои, с которыми идет борьба за власть, так же определены сюжетом и изображены со всех сторон памятника: рыжебородый князь-божество/колдун Красный Фук, он же, как мы обоснуем ниже, правитель жидкобородый Бурунгук, его сын Къайтмырза/Жанпараз, и его же советник – гигантский Дракон, правитель драконов.

В последующем изложении, следуя примеру Н. Охонько, отойдем от последовательности, в которой удалось расшифровать смысл изображений и, вместо этого, сразу дадим цельное описание памятника сквозь призму карачаево-балкарского эпоса в последовательности самого памятника, верно подмеченной Н. Охонько: лицевая (восточная) – северная – западная – южная стороны мавзолея.

Результаты

1. Лицевая (восточная) сторона мавзолея

Общий вид восточной стены мавзолея показан на рис. 1. Изображение главного героя с секирой вполне соответствует образу «мощного, густобрового, черноусого» [усы и бороды, впрочем, отсутствуют на всех сценах, как

и на других каменных памятниках региона] князя нартов Ёрюзмека из карачаево-балкарского эпоса [18, с. 82]. В контексте сюжета в целом, посвященного рождению и жизни главного героя, мы согласны с Н. Охонько, что фигуры главной стены не имеют отношения к символике загробного мира а, напротив, изображают благословение героя (в князи?) священником и содержат символы власти: секиру, виночерпия и собаки-самца. Собаки в эпосе представлены как сторонники нартов, в противовес волкам – сторонникам их врагов эмегенов. Собака-самец как символ и образец «самоволия» героев-нартов ярко фигурирует в сюжете о рождении нартского героя Рачикау [18, гл. VI]. В описании Ёрюзмека, собака так же могла символизировать пастуший период его жизни. Три креста вокруг отверстия (для помещения покойника), очевидно, отражают христианский мотив. Но они так же могли символизировать возвращение Ёрюзмека в свой небесный, звездный мир, из которого он родился: в карачаево-балкарском эпосе, герои возвращаются в тот самый мир (небесный или подземный), из которого они произошли [24]. Ёрюзбек рождается из падающей звезды, которая символизирована на мавзолее (см. далее) в виде креста с тремя малыми крестами на концах, которые и могли быть изображены вокруг входного отверстия мавзолея. Вообще, крест-звезда Ёрюзмека появляется на памятнике ровно в моменты его (пере)рождений: в момент рождения, в момент принятия решения противостоять князю Фуку (главному противнику героя, см. далее), в момент вознесения на небо, в момент становления князем нартов. В этом контексте, изображение крестов вокруг входа в гробницу символизирует его обратный переход в небесный мир.

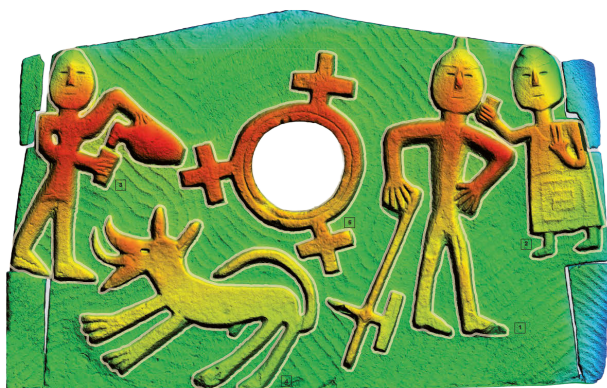

Рис. 1. Лицевая (восточная) стена мавзолея. Источник: [22]
2. Северная сторона мавзолея

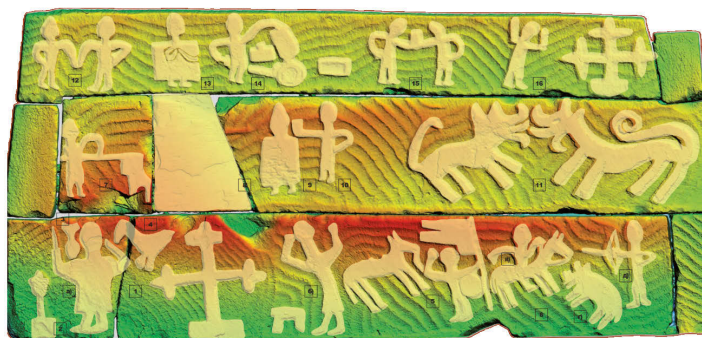

Рис. 2. Северная боковая стена мавзолея. Источник: [22]

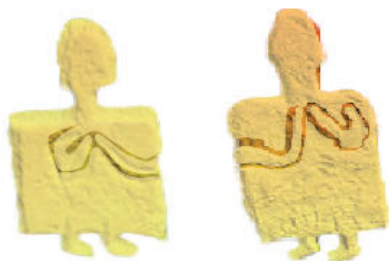
Общий вид северной боковой стены мавзолея показан на рис. 2. Стена составлена из трех блоков, два нижних из которых разрушены, а у среднего блока утерян фрагмент. Обратимся к анализу изображений отдельных блоков.

Рис. 2а. Изображения верхнего блока северной стены

В рельефах верхнего блока (рис. 2а) можно видеть сцены сотворения нартов, появления главного героя – Ёрюзмека. Легко узнаваема фигура (четвертая слева) кузнеца с мехами и наковальной, – Дебета, первого из сотворенных нартов, праотца нартов, небесного кузнеца и отца Ёрюзмека. Образы Дебета, его кузницы и наковальни проходят практически через весь нартский эпос карачаево-балкарцев. Дебет изобретает кузнечное дело, бродит по горам в поисках минералов, ест камни, чтобы узнать их содержимое (и в одном из походов видит падающую звезду из которой рождается Ёрюзбек).

Первые две фигуры блока, на наш взгляд, отмечают начало изложения и изображают главных героев – Ёрюзмека и его супруги Сатанай. Учитывая наличие фигуры Дебета, перво-нарта, можно было бы предположить и дань христианской традиции, символику первотворения Адама и Евы, но характерные позы героев, повторяющиеся на других фрагментах, указывают именно на главных героев, истории которых посвящен памятник, и с изображения которых начинается изложение.

Смысл третьей фигуры (вторая сценка блока), напоминающей человека в бурке, если опираться только на рассматриваемый блок, не совсем ясен. Но эта фигура появится еще раз, в самом конце изложения (предпоследняя сценка южной стороны), т.е. это какой-то персонаж (сам художник?), который «открывает» и «закрывает» изложение.

На такую роль фигуры указывают и его ступни: развернутые в сторону рассказа (вправо, по ходу повествования в начале и влево в конце изложения), и вообще заметная «зеркальность» фигур в начале и конце изложения (см. вставку слева). Выраженные руки, возможно, как раз символизируют работу скульптора. Наконец, нельзя не заметить, что – по итогу расшифровки изображений – именно сцены, находящиеся между двумя «фигурками в бурке» и содержатся в нартском эпосе. Сцены вне фигурок имеют общий характер, вне связи с конкретными сюжетами эпоса. Таким образом, фигурки «в бурке» – это своего рода кавычки стилизованные под изображение скульптора. Это важная деталь памятника, которой художник указывает, что есть его художественный вымысел (вне «кавычек»), а что есть сюжет, который он максимально точно передает на камне. Значит, художник передает сюжет уже сложившегося к его времени эпоса. Это важный вывод, к которому мы вернемся в заключительном обсуждении.

Сцена пира правее Дебета может символизировать период благоденствия нартов, когда, согласно сюжету эпоса, с изобретением Дебетом кузнечного дела и оружия, нартам удалось начать одолевать своих врагов.

Последний сюжет блока – наряду с мотивом поклонения кресту – может символизировать и упавшую звезду, из которой в эпосе карачаево-балкарцев и рождается Ёрюзбек. По сюжету эпоса, герой рождается из кометы (хвостатой звезды), упавшей в горное озеро, где его подбирает и усыновляет Дебет. В период принятия христианства, вполне можно допустить совмещение образов Вифлеемской звезды, звезды Ёрюзбека и креста. Гипотеза о том, что крест с малыми крестами по краям (crosslet западной геральдической традиции) символизирует Ёрюзбека в момент его рождения, подтверждается тем, что этот образ появляется на памятнике ровно в те моменты, когда происходит физическое или духовное (пере)рождение героя. Крест такой формы помещен на монете византийского императора Михаила VII Дука и его жены Марии Аланской конца XI в. [10], см. вставку слева. Причем, дизайн этого креста содержит элементы звезды (с полумесяцем, что встречается и на оригинальных средневековых христианских соборах, напр. Соборах Св. Стефана и Св. Отмара в Вене). Такие же «патриархальные» кресты можно видеть на двух более древних (VI-VII вв.) византийских монетах [5, 6] (вставка справа). Варианты православных крестов так же имеют сходный дизайн и, в комбинации с полумесяцем, указывают на связь с символикой звезды. Кресты той же формы, что и на мавзолее встречаются на плитах и других захоронений Кяфарского городища (вставка слева, фото автора). Таким образом, дизайн креста, использованный на мавзолее, восходит к какой-то старой византийской традиции, проявляющейся в аланском контексте (совмещаясь с образом звезды и полумесяца). В нартском эпосе образ креста так же связан с Ёрюзбеком в сюжете про его встречу с демонами [18, с. 110, 353] (перевод и курсив мои; привожу фрагмент монолога Ёрюзбека):

«Пойду туда – я сам потеряян,
Не пойду – мое лицо потеряно, говорит он.

На правой лопатке моей – есть крест у меня,
Но и такие места, струсив, не избегать, есть клятва у меня!»

Без претензии на однозначную трактовку символа, мы будем обозначать его как крест-звезду Ёрюзбека, поскольку на памятнике он имеет прямое отношение к моментам принципиального преобразования героя.

Рис. 26. Изображения среднего блока северной стены

Если порядок фигур верхнего блока идет от лицевой части мавзолея, т.е. слева направо, то изложение на втором блоке, видимо, идет справа налево, без

разрыва продолжая сюжет верхнего блока (этот прием применяется на всем протяжении изложения, что подкрепляет нашу догадку). И действительно, на среднем блоке северной стены (рис. 2б) логичным продолжением рождения героя может быть сюжет справа, противостояние собаки и волка (последний, судя по изображению хвоста, – справа). В эпосе сохранился сюжет о том, что некогда собаки и волки дружили, но затем стали врагами из-за противостояния нартов (чьими стали собаки) и эмегенов (на чьей стороне оказались волки). В контексте истории Ёрюзмека, после его рождения, звери в страхе окружили место падения метеорита, и только голодная волчица-мать попыталась к нему подойти, но была схвачена героем, который сосал ее молоко к моменту, когда был найден Дебетом [18, с. 74, 308-309]. Вероятно, сцена противостояния собаки и волка символизирует, что новорожденный Ёрюзмек был отобран у молочной матери-волчицы и введен в мир нартов, защищаемый собакой. Само имя героя, Ёрюзмек, согласно карачаево-балкарского эпоса, было дано в честь его детской клички «Бёрю-эмчек» (молочный сын волчицы, букв. «волчья грудь/сосок», происхождение имени Ёрюзмек мы обсудим в заключении). Тесная связь волчьего образа с Ёрюзмекком подчеркнута в эпосе еще и наличием у него волшебного волчьего тулупа, спасающего его от злых духов и козней врагов.

Вторая сцена справа – если следовать логике нартского эпоса – может символизировать период в жизни Ёрюзмека, когда он был отдан [на аталычество] пастухам, которые выпросили его у Дебета, аргументируя тем, что кош, где будет Ёрюзмек – молочный сын волчицы – не будет подвержен нападению волков.

Сцену приспущенного/поднимаемого? флага – без утерянного фрагмента – сложно интерпретировать однозначно. Если следовать сюжету эпоса, здесь могло быть изображение унижения подростка Ёрюзмека Фуком, который насильно забрал у него с коша 12 овец и отхлестал плетью (в отместку за что Ёрюзмек, уже после женитьбы, по совету Сатанай, испугает Фука образом лешего и отберет перстень-печатку). Эта версия может быть подкреплена сравнением со сценой поднятого флага на следующем блоке, символизирующем восстание Ёрюзмека против Фука.

Рис. 2с. Изображения нижнего блока северной стены

Начиная с нижнего блока северной стены (рис. 2с), разворачивается сюжет борьбы Ёрюзмека с Красным Фуком за власть. Первая сцена (слева), видимо, символизирует подчинение нартов Фуку, который изображен в образе орла, которому прислуживает виночерпий (символ княжеского статуса). По сюжету нартского эпоса, в этом месте можно ожидать сцены, когда Ёрюзмек является в гости к Фуку, получившему дань от нартов, но последний даже не приглашает его с порога дома и сам отведывает даров нартов. Оскорбленный, Ёрюзмек кля-

нется не допустить впредь, чтобы нарты платили дань Фуку. Позы Фука и прислуживающего ему персонажа, отвернувшихся от креста-звезды Ёрюзмека, могут как раз отражать описанную сцену эпоса. Художник с помощью выразительной проекции подчеркивает, что прислуживающий Фуку персонаж так же повернут спиной к зрителю (на что указывает кувшин, который должен быть спереди виночерпия), что подчеркивает уединение Фука за трапезой, к которой не допущены другие. На трапезу Фука указывает кувшин, а может и нож в руке персонажа, прислуживающего Фуку и снедь (?) на столике. Момент духовного перерождения Ёрюзмека, намерения восстать против Фука, думается, и символизирован крестом-звездой Ёрюзмека.

Сцена с причитаниями над пустым столиком согласуется с утверждением эпоса, что дань, которой Фук обложил нартов, была столь непосильна, что им нечем было кормить детей [18, с. 321]. Столик появляется на стенах мавзолея трижды – пустым вначале (период выплаты дани) и нагруженным дичью и питьем позднее.

Показательна сцена охоты и противостояния лучнику, которая согласуется со следующим по нартскому сюжету эпизодом, – как Ёрюзбек (в 18 лет), увидев несущих дань нартов, насильно отобрал ее себе [18, с. 88, 326], с чего и началась его активная борьба с Фуком за власть. Возможно, этот момент обозначен художником через поднятый флаг как момент начала борьбы. Интересно, что Ёрюзбек отбирает дань в виде кабана, во что художник мог вложить двойной смысл: по эпосу, в сцене покушения на Ёрюзмека со стороны сына Фука (см. далее), кабан символизирует самого Ёрюзмека в серии тостов. Т.е., отбирая кабана, Ёрюзбек как бы отбирает самого себя у охотника, предназначавшего его в дань Фуку. Изображение молодого Ёрюзмека с луком коррелирует с нартским сюжетом «вхождения» Ёрюзмека в нартское общество, в котором он представлен как искусный лучник [18, с. 75, 310].

После того, как Ёрюзбек отбирает дань, предназначенную Фуку, он преследует Фука на земле и вынуждает последнего улететь в образе орла в небесную башню «из орлиных крыльев». Будучи на небе, Фук требует дани с помощью волшебных котлов, спускающихся на цепи с неба, что и изображено на следующей стене. Не случайно, что на северной стене Ёрюзбек пока еще не изображается в образе князя с секирой, поскольку победа над Фуком и захват власти еще впереди.

2. Западная сторона мавзолея

Западная стена (рис. 3) состоит из двух блоков, подвергнутых разрушению, но сохранивших сюжет. Повествовательные сцены изображены только на верхней плите (нижняя плита изображает двух собак – вероятно, вне сюжетной линии). Это может быть связано как раз с предположенным нами приемом художника, который продолжает повествование от плиты к плите без разрыва, без перехода «к новой строке»: при четном числе плит размещение сюжетной линии на обеих плитах привело бы к окончанию повествования западной стены в левом конце нижней плиты, что сделало бы невозможным непрерывный переход к следующей (южной) стене. Этот прием подчеркивает цельность всего сюжета мавзолея.

Рис. 3. Западная (задняя) стена мавзолея. Источник: [22]

Рис. 3а. Изображения верхнего блока западной стены

Верхняя плита западной стены (рис. 3а) начинается с упомянутой выше яркой сцены, когда Ёрюзбек вынудил Фука в образе орла улететь на небо, тот стал требовать дань посредством котлов, спускавшихся на цепи, а нарты, посоветовавшись, решили прекратить платить дань мясом и зерном. Но поскольку котлы были волшебными и требовали поскорее их наполнить, нарты решили заполнить их камнями [18, с. 76, 311], что и изображено весьма выразительно на первой сцене. Характерно, что в сцене опять появляется столик, но уже с дичью, символизируя, что нарты оставили дань себе. (Теперь эта дичь, оставленная нартами себе, не в форме вепря, что было бы неуместно учитывая, что таким образом эпос отмечает самого Ёрюзбека.)

Фигура правее котла может быть частью сцены наполнения котла камнями (судя по изображению руки) и отображать пастухов, которые должны были подготовить дань. С учетом ступней, направленных от котла, вероятно и отражение сцены, последовавшей после отказа платить дань: Фук навел засуху на страну нартов, из-за чего «пашни не колосились, скот погибал, а женщины не рожали» [18, с. 84, 319]. Фигурой чабана, олицетворяющего ведущую отрасль хозяйственной деятельности региона, с поднятой рукой художник мог отобразить озабоченность нартов.

Далее стоит фигура Ёрюзбека, уже в образе князя с секирой, который – по нартскому эпосу – по просьбе нартов, направляемый женой Сатанай (изображена правее), вознесся на небо к Фуку и убил его. Вознесение Ёрюзбека на небо произошло посредством выстрела из «мяча» (пушки) или, в другой версии, на «ветряном бурдюке». Этот мяч или бурдюк, похоже, и изображен

над Сатанай, указывающей на небо, в виде круга с крестом-звездой Ёрюзмека внутри. Наличие в этом эпизоде креста-звезды опять коррелирует с «перерождением» (вознесением на небо) Ёрюзмека.

Справа показана сцена необычного пира, к которому так же имеет отношение Сатанай, а также Фуко-подобный орел. Эта сцена хорошо согласуется с тем, что, согласно карачаево-балкарскому нартскому эпосу, за убийством Фука и захватом власти Ёрюзмеком, часть нартвов хотела, чтобы князем стал сын Фука Къайтмырза/Батыр-мырза/Жанпараз (само имя Къайтмырза, букв. «вернись, князь», указывает на претензии на власть). Они, во главе с Къайтмырзой решили пригласить Ёрюзмека на пир и убить его, но их планы не сбылись, поскольку Сатанай предупредила своего мужа об ожидавших его ловушках. В образе орла на памятнике, вероятно, и изображен сын Фука, а вытянутая рука Сатанай с кубком символизирует, как она спасла мужа от отравления (гипертрофированно вытянутая рука символизирует, что Сатанай не была на самом пиру, но именно она спасла мужа от покушения). Согласно эпосу, Сатанай сделала медную трубку, которую вставила в горло Ёрюзмеку, чтобы отравленное пиво выливалось на землю – возможно, именно эта трубка изображена в руках второй фигуры справа, которая держит на «трубке» кувшин [с отравленным пивом]. Единственная значимая фигура эпоса (и притом положительная, поскольку в человечесем облике изображены только положительные герои сюжета), которая могла быть изображена в контексте пира помимо сына Фука – это Сосурук, приемный сын Сатанай и Ёрюзмека, который был в неведении о сыне до пира. Мальчик Сосурук прислуживал в доме, где устроен пир, и именно он пригласил Ёрюзмека на него и вытащил из дома, когда тот перебил участников пира и не мог найти выход. Возможно, древний художник использовал изобразительный прием, когда мальчик показан прислуживающим на пиру, но не касается отравленного сосуда рукой, чтобы подчеркнуть, что Сосурук не является отравителем отца.

Рис. 36. Изображения нижнего блока западной стены

Нижняя плита западной стены (рис. 36) изображает двух собак, вероятно, символизирующих мир нартвов. Как предположено выше, эта плита не включена в основную сюжетную линию мавзолея, которая должна без разрыва перейти (по верхней плите) на следующую (южную) стену. Собака слева показана тощей, слабой, а справа – полной, сильной. В такой композиции, художник мог показать переход (отсюда и противостояние) от периода тощих, бедных нартвов при Фуке к периоду благополучия при Ёрюзмеке. На это указывает и то, что собака слева как-бы идет от северной стены, освещающей период Фука, а собака справа – от южной стены, посвященной периоду правления Ёрюзмека.

4. Южная сторона мавзолея

Заключительная, южная, стена (рис. 4), как и северная, состоит из трех блоков, что позволяет художнику довести сюжет непрерывной зигзагообразной линией от левого конца верхней плиты к правому концу нижней плиты, т.е. выйти на лицевую сторону памятника и замкнуть цикл повествования.

Рис. 4. Южная боковая стена мавзолея. Источник: [22]

Рис. 4а. Изображения верхнего блока южной боковой стены

Верхний блок южной стены начинается со сцены с крестом-звездой, к которой в радостном танце обращены две фигуры (вероятно, Ёрюзмек и Сатанай, радующиеся благополучному исходу противостояния с партией Фука). Сам крест-звезда символизирует перерождение Ёрюзмек в полновластного князя, а далее идут сцены радости, веселья и гордости, очевидно знаменующих победу над Фуком и его сыном со сторонниками и наступление новой эры. Маленькая фигура у креста, видимо, символизирует Сосурука – наследника Ёрюзмек. Далее изображен общий пир нартов вокруг столика, символизирующего их достаток при новом князе, а справа – Ёрюзмек, в честь которого поднимается тост. Возможно, что для современников памятника все персонажи пира были узнаваемы по контексту, что тем более вероятно, если верна интересная догадка Н. Охонько, что фигуры памятника были изначально раскрашены.

Любопытно, что верхняя плита южной стены в чем-то повторяет верхнюю плиту северной. Обе плиты начинаются с фигур Ёрюзмек и Сатанай. Если на северной плите изображен перво-сотворенный нарт Дебет, отец Ёрюзмек, и пир, символизирующий период раннего благоденствия нартов, то здесь мы видим символ перерождения Ёрюзмек в князи и пир, символизирующий благополучие нартов при новой династии.

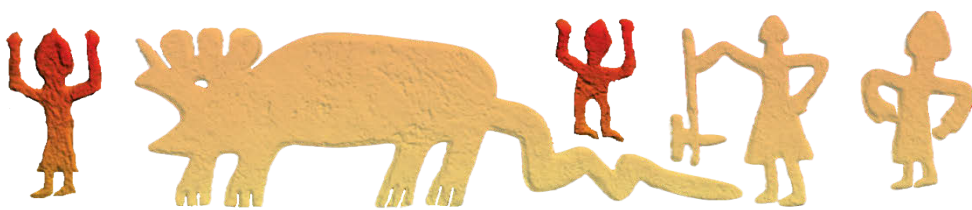

Рис. 46. Изображения среднего блока южной боковой стены

Средняя плита южной стены посвящена еще одному подвигу главного героя – победе над гигантским птичьеголовым существом, которого Кузнецов и Охонько идентифицируют Василиском. Хотя в основном цикле Ёрюзмека карачаево-балкарской нартиады такой подвиг не упомянут, недостающий сюжет, тем не менее, в эпосе сохранился, но исказился настолько, что составители эпоса отнесли его к категории «Разрозненные сказания». Речь идет о предании о Сибилах и тайной «бриллиантовой» пещере нартов, полной драгоценностей [18, гл. X, пар. 126]. Пещеру безуспешно пытается захватить жидкобородый Бурунчук, который мечтает тем самым господствовать над всем миром. Советчиком Бурунчука оказывается огромный восьмиглавый Дракон, являющийся князем драконов (в этом смысле, действительно, Василиск, «маленький» Василевс, подчиненный «большому»). Пещеру охраняет Дебет, отец Ёрюзмека. После серии безуспешных атак на нартов, Бурунчук и Дракон обманом отправляют нартов в западный поход, до «места, где солнце уходит в море» (отсылка к западным походам аланов?), а сами нападают на немногих оставшихся в стране нартов. Дебет, охраняющий пещеру, беспрепятственно пропускает Бурунчука в пещеру, где и запирает его. Дракон, пытаясь вызволить своего господина из западни, криком с вершины Эльбруса наводит ужас на нартов, но к этому моменту рождается мальчик-богатырь по имени... Ёрюзбек и выстрелом из отцовского лука убивает (взрывает его собственным жаром) Дракона.

Этот эпизод эпоса – видимо, претерпевший искажения – является отголоском все той же борьбы Ёрюзмека с Фуком и его сторонниками и отлично коррелирует с изображениями плиты мавзолея. Имя жидкобородого князя Бурунчука хорошо коррелирует с рыжебородым князем Фуком, представителем «старой» династии (Бурунчук буквально может быть переведено как «Древний» или «Древний гук»), а его подчиненный Дракон соответствует верховному дракону Фука, образ которого в основном цикле эпоса обозначен [18, с. 83, 317], но не развит. Птичьеголовость Дракона хорошо коррелирует с птичьей природой самого Фука, а «гребешок» на голове существа мог символизировать его многоголовость.

Рис. 4с. Изображения нижнего блока южной боковой стены

Нижняя плита южной стены является завершающей и, видимо, подводит итог драматической истории борьбы основателя новой династии Ёрюзмека со старой династией и её сторонниками. На первой (слева) сцене Ёрюзбек отбивает у Фука [и его компании] черепаху, которая заслуживает особого внимания. Дело в том, что каменная черепаха присутствует физически, причем как центральный, наиболее значимый объект на самом Кыфарском городище (см. вставку слева, фото автора), на т.н. «скале советов». Каменная черепаха размещена на дальнем от входа участке скалы, т.е. самом почетном месте

(карач. тёр), а по правую руку от нее размещен еще один мегалит, – вероятно для размещения членов княжеских Советов. Это как нельзя лучше коррелирует с нартским эпосом карачаево-

балкарцев, который подводит итог убийству Фука: «Так умер Фук, а Ёрюзбек вместо Фука сел на камень вершения советов. Так Ёрюзбек стал жить, верша вопросы нарт» [18, с. 90] (перевод и курсив мои; к сожалению, перевод этого фрагмента на русский язык в сборнике эпоса неполон [18, с. 329]).

Далее на плите изображены, по всей видимости, Сосурук (наследник новой династии) в радостной победной позе, неизвестный персонаж (сам художник, вытесывающий на камне?), открывавший повествование и теперь завершающий его, и сцена восславления на лошади (т.е. по всей стране) истории певцом (как верно подметил Н. Охонько) с жеребенком и щенком, вероятно символизирующими рождение нового мира. Изображение здесь любых других персонажей—нарт, могущих гипотетически бросить вызов новой династии было бы немислимо.

Обсуждение и заключения

Нельзя не отметить высочайшее мастерство древнего скульптора, поместившего на стенах мавзолея глубоко символический и тщательно продуманный сюжет рельефного повествования с использованием впечатляющих художественных приемов.

Вся сюжетная линия мавзолея без изъятий прочитывается из нартского эпоса карачаево-балкарцев, а именно из его цикла, описавшего рождение, борьбу за власть и восшествие на княжеский «камень советов» Ёрюзмека. Более того, нет ни одного сюжета эпоса, посвященного борьбе Ёрюзмека за власть, который не отражен на мавзолее, кроме, быть может, эпизода, когда Фук оскорбляет его угоном овец и ударом плетью в период его пастушества, а Ёрюзбек отбивает кольцо Фука в отместку. Но именно этот эпизод, учитывая полноту соответствия эпоса и изображений памятника, и был, скорее всего, отображен на утерянном фрагменте северной стены (что точно соответствует хронологии событий в эпосе). Порядок событий в эпосе и на мавзолее идентичны, исключение мог составить лишь эпизод с борьбой с Драконом Бурунгука, который, однако, дошел до нас искаженно и был помещен составителями эпоса в «Разрозненные сказания». Опираясь на последовательность изображений памятника, можно достаточно уверенно вернуть эпизод на его место в основной части эпоса.

Расшифрованная на стенах мавзолея эпопея борьбы Ёрюзмека с партией Фука ставит вопрос о том, кто был захоронен в мавзолее. На наш взгляд,

наличие в сюжете тончайших деталей политической интриги, с указанием на тесные связи героев (возможно, родственные, учитывая заявление Ёрюзмека в гости к Фуку и прислуживание сына Ёрюзмека в доме, где сын Фука устроил пир-западню), указывает на историчность описанных событий. Соответственно, сам Ёрюзек и мог быть захоронен в мавзолее. По большому везению, в византийских источниках, вероятно, содержится упоминание Ёрюзмека – как Эксусиократора (царя) Алании по имени Росмик начала XII в. [12, с. 320]. Известна печать Росмика [9, с. 133-135], на которой его имя можно прочесть как Orosmikes/Оросмик [8], а быть может даже Hōrosmik[es]/Хоросмик, что сближает написание до степени совпадения с именем нашего героя. Заметим, что раннее произношение имени на карачаевском могло быть и Ёрѣзек (см. примеры ö↔ü в [27, с. 417-419]; в карачаевском языке аналогом может быть трансформация Гѣрге, св. Георгий, ср. напр. Гоεργύεου на каменном изваянии с долины р. Этока¹, в совр. Гюрге). Гипотеза о связи Ёрюзмека и Росмика выдвигалась и ранее [25, с. 63] на фонетических основаниях с предполагаемой этимологией Оруз-бек, «счастливый князь». Альтернативно, Ёр-юз-мек = «вырывающий, добывающийся высокого положения князь»/«истинно высокий князь» (карач. ёр «высота, вершина», см. тж. ёр как почетное место в эпизоде эпоса по пирловушке для Ёрюзмека: «Крисенг, ёрге ётме, ...», «Как войдешь, не проходи на почетное место (ёр)...» (совет Сатанай) [18, с. 89], аналогичное использование ёр=тёр, «почетное место», на с. 92, ср. др.тюрк. örgin/örgün «трон» [27, с. 412], и юз «отрывать, вырывать» [нечто полезное для себя] или др.тюрк. ёз «сущность, сам, собственный» [27, с. 419]; -мек от -бек, «князь» [25, с. 63]), как имя данное по восшествии на престол, отражающее политический путь героя. Это согласуется с эпосом, в котором указывается, что именем Ёрюзек герой был наречен уже будучи взрослым [18, с. 74, 309].

Интересна гипотеза Абаева [11, с. 127] о происхождении имени героя осетинского нартского эпоса Урызмаг от др.иран. varāza/warāza «кабан». При этом, слово, как и сходное по этимологии woraz [11, с. 89], имеет хождение в осетинском только как личное имя, а дигорская версия (Оразмаг) ближе к карачаево-балкарскому варианту. Это – вкупе с нашей расшифровкой – указывает на то, что оно было воспринято осетинами, вместе с соответствующим циклом эпоса, от карачаево-балкарцев. Версия о древне-иранском происхождении имени героя интересна тем, что она выявляет образ кабана, который фигурирует как в карачаево-балкарском эпосе, так и в графике мавзолея как символ Ёрюзмека. Это также коррелирует со средневековыми источниками [2, с. 204, 205], передающими, что Хосров I (VI в.), в целях защиты кавказских рубежей, наделил горных правителей почетными «животными» титулами, в частности, правителя «Владельцев Сарира» (от араб., «владельцы трона [персидского шаха]») титулом шаха кабанов (Wahrarzan-Shāh). Тут нельзя не заметить, что аль-Идриси [3], помещая, в согласии с арабской традицией, «Владельцев Трона» в районе Дербента, отличает его от царства Сарир, которое помещает на северо-западном (а может, и западном) Кавказе и к которому примыкает город Малаша, который мы идентифицируем как аланскую столицу Магас/Музашан и Кяфарское городище (см. ниже об упоминании столицы в эпосе). Причем, южнее Сарира (за перевалом через Кавказ) указано поселение Руран, в чем читается

¹ Из лекции А. Виноградова “Greek script in the northern Caucasus” в Институте Иранистики Австрийской АН, 11/01/2023.

прародина Авар. Сваны называют карачаево-балкарцев савиарами, а сабиры/савары указаны в р-не верховий Кубани и севернее на карте 1667 года [7], и, наконец, карачаево-балкарский нартский эпос содержит эпизод про женитьбу на дочери аварского (ауар) хана [18, с. 279, 576]. Учитывая все эти обстоятельства, правомерно задаться вопросом, могла ли часть горных тюрков Сариров входить в западно-аланское общество; или же ошибочно общепринятое отождествление Сарира и «Владельцев трона»? Имя Ёрюзбек (изначально Вораз-бек) могло восходить к родовому титулу Сариров-«шахов кабанов», а древне-иранское слово могло ре-интерпретироваться на тюркской основе к XII в. В пользу такой возможности, которая нуждается в дальнейшей разработке, говорит и версия Зайбта и Царнитц, что (О)росмик могло быть фамилией, а не именем аланского царя [9, с. 134]. В этом контексте заметим, что предшественник Ёрюзбека ассоциируется в эпосе и на камне с орлом, а его настоящее имя (см. ниже) может быть возведено к др.тюрк. «хищная птица».

Со временем Росмика (начало XII в.) синхронны и упоминания эпоса о мяче-пушке (наполняемом «огнем»), посредством которого герой попадает на небо (что и изображено на западной стене мавзолея), и первом использовании нартами ружья (см. ниже). Хотя документированное использование огнестрельного оружия в Европе и на Ближнем Востоке относится только к середине-концу XIII в., оно имело хождение в Китае уже в начале X в. Аланы вполне могли быть наслышаны о чудо-оружии и использовать его образ в эпосе (возможно, в искаженной форме, судя по тому, что пушка вошла в эпос и сюжет мавзолея, как и в язык карачаево-балкарцев, в образе мяча). И все же, эпос настоятельно ассоциирует образ Ёрюзбека с началом использования огнестрельного оружия. Более того, ранние европейские пушки "вазообразной формы" действительно напоминали шар. Другая возможность, учитывая участие Алан в византийских делах, может заключаться в том, что эпос и каменный памятник отображали Греческий огонь или связанные с ним технологии, тем более, что в эпосе говорится о наполнении "шара" субстанцией "от", что означает и порох, и огонь на карачаево-балкарском языке.

Небесным дворцом/башней Фука на самом деле могла быть "Скала советов" – центральный останец Кяфарского поселения, который возвышается на 10 и более метров и превышает 40 метров в длину и ширину. Стены скалы искусственно сделаны круто вертикальными, и поэтому котел на цепи мог быть отражением реальной истории, когда осажденный на скале Фук требовал еды от своих подчиненных. Ёрюзбек, возможно, использовал какую-то неизвестную хитрость, чтобы добраться до плоскости скалы, несмотря на грозное препятствие в виде ее вертикальных стен, и поэтический образ, возможно, был использован позже для описания его чудесного восхождения.

Имя Красный Фук, вероятно, является уничижительной кличкой, скрывающей настоящее имя исторического персонажа. В карачаевском эпосе позднего периода есть образ врагов Къызыл бек-ов, «красных беков», – фонетически эквивалентный Красному Фуку. Возможно, собирательный образ врагов – «красных беков» (независимо от его поздней связи с абхазскими племенами) уходит корнями в древность к «южным врагам» (красный – древне-тюркское обозначение юга [13]; тюркское цветовое обозначение сторон света отражено и в нартском эпосе и, по нашему мнению, на Северном Кавказе карты аль-Идриси [26]). Под «южными» врагами, скорее всего, понимались персы

и, позже, арабы, с которыми аланы враждовали в контексте византийских и хазарских войн. В карачаево-балкарском нартском эпосе есть указание на борьбу нартов времен Ёрюзмека с Темир-Капу, т.е. «Дербентским», см. ниже. Таким образом, имя соперника, предшественника Ёрюзмека могло быть скрыто в эпосе за собирательной кличкой врага народа. Опираясь на расцвет Алании при Дорголеде, Кузнецов [17] выдвинул гипотезу, что в Кяфарском мавзолее был захоронен именно этот царь. Эта точка зрения получила широкое распространение среди исследователей. Между тем, Доргодель, будучи предшественником (О)росмика мог быть, на самом деле, прообразом Красного Фука / Брунгука-«древнего [князя]», убив которого к власти и пришел герой сюжета мавзолея. Подтверждение такой точке зрения дает этимология, выводящая имя Доргодель от тюркского Тогрул, «хищная птица» [25, с. 64], в образе которой и представлен Фук как в эпосе, так и на стенах мавзолея.

В нартском эпосе имеются эпизоды, касающиеся Ёрюзмека, которые не отражены на стенах мавзолея, но ни один из этих эпизодов не касается его борьбы за власть, что, возможно, и объясняет их отсутствие на стенах мавзолея, описывающего восхождение новой династии. Но, учитывая высказанное выше предположение о сознательном «цитировании» художником сложившегося эпоса, нельзя исключить и того, что эпизоды современного эпоса, выходящие за рамки «кавычек» мавзолея, есть вставки более поздних сказителей, что, в частности, могло бы объяснить явный анахронизм некоторых из этих эпизодов (см. далее).

Помимо нескольких кратких вариаций основного сюжета (Ёрюзек – сирота, сосущий молоко волчицы, которого находят нарты и усыновляет Дебет; Ёрюзек не убивает Фука на небе, а спускается на его крыльях на землю и только затем убивает его; Ёрюзек является хозяином земли, а Фук – неба; в ходе противоборства Фук вмораживает Ёрюзмека в реку, из которой его выручают друзья; упоминание Ёрюзмека под именем Тейюр; борьба с рысями и мирный проход мимо волков, охраняющих небесный замок Фука), а также краткого рассказа про волчью шубу Ёрюзмека, можно отметить следующие рассказы об Ёрюзмеке, стоящие вне сюжета мавзолея.

Несколько сюжетов эпоса посвящены борьбе Ёрюзмека с эмегенами, в т.ч. «бродячая» история с циклопом в пещере, и истреблению эмегенов с участием Ёрюзмека [18, с. 95-100, 106-108, 338-343, 349-351]. Среди этих сюжетов, идущих в русле основного (древнего?) мотива нартского эпоса, примечателен сюжет, в котором Ёрюзек одолевает эмегенов вновь изобретенным огнестрельным оружием (см. выше обсуждение этого в контексте хронологии памятника; но ружье точно было бы анахронизмом для аланского времени).

Удивителен и, кажется, также анахроничен, сюжет о Ногайчике, гостящем у Ёрюзмека и уговаривающем его пойти с ним в поход, где Ногайчик оказывается сильнее Ёрюзмека, но погибает от ранения эмегеном. Можно было бы, опираясь на вероятную историчность сюжета об Ёрюзмеке, отождествить Ногайчика с ханом Ногаем, который, согласно византийскому источнику Пахимеру подчиняет разные северно-причерноморские народы, включая алан, в конце XIII в. и погибает в битве у Куканлыка в 1299/1300 г. [12, с. 286, 287]. Такая датировка, однако, сильно позднее как известных датировок Кяфарского мавзолея, так и царя Росмика (нач. XII в.) и вообще времени падения Алании. Трудно сказать, идет ли речь в эпосе о Ногайчике, отличном от Ногая, потомках

Ёрюзмека, вовлеченных в окружение Ногая или поздней контаминации эпоса. Нельзя тут не заметить и того, что именно в период Ногая огнестрельное оружие, упоминаемое в эпосе, могло иметь хождение в регионе активности алан.

Еще один сюжет, вероятно, отсылающий к реальным событиям поздней Алании – о победе Сатанай над войском Темир-Капу. Суть сюжета в том, что, в отсутствие Ёрюзмека (тот больной лежит в пещере в горах), на нартов нападает войско Темир-Капу, и Сатанай, приняв облик Ёрюзмека, сама выступает с войском против Темир-Капу (встречая его войско у реки Аргын) и побеждает его благодаря уловке. Темир-Капу – это Железные Ворота, тюркское название Дербента, опорного укрепления в противостоянии персов и арабов с различными тюрками на север от Кавказа.

Несколько эпизодов посвящены участию Ёрюзмека в плясках джиннов, семейной ссоре с Сатанай и оригинальным уловкам последней по улаживанию ссоры, что может отсылать к неизвестным деталям семейной драмы Ёрюзмека и Сатанай, которой сказители придавали большое значение. Один из этих эпизодов упоминает, что «Ёрюзбек ушел в Мал-Хушту центр (столицу) (Мал-Хушту ара)» [18, с. 109]. Это, вероятно, отсылка к столице Алан, что подтверждает нашу гипотезу об идентичности Ма-г'ас/Муз-ашан [4] с Мал-аша аль-Идриси [3, 26] и Кяфарским поселением и, тем самым, дает оригинальное название столицы алан – Мал-Хушту. Если верно наше предположение, то современное название горного хребта, на северном склоне которого и находится Кяфарское городище¹, – Мыцешта (абаз. «место огня» от мца́, «огонь» и шта́, «место, территория») – может быть ре-интерпретацией исходного аланского топонима. Название Хуса у реки и местности у окончания хребта также могут восходить к древнему топониму, давшему имя аланской столице. Ороним Мал-Хушту мог происходить от названия высокогорного растения, напр. «скотная горькуша» от др.тюрк. кошти, сосюрея (горькуша) [27, с. 343]²; кар.-балк. мал, «скот» (в карачаево-балкарском, в отличие от других тюркских языков, это слово не используется в смысле арабского слова «имущество», для чего используется слово мюльк).

Наконец, последний эпизод, который, несмотря на его краткость может дать ключ к разгадке событий, последовавших за династическим переворотом мавзолея и эпоса, посвящен смерти Ёрюзмека. Эпизод дошел только в переводе на русский язык [18, с. 363] и, на первый взгляд, оторван от основного эпоса. По сюжету, Ёрюзмеку, нижняя часть тела которого сделана из свинца, предсказана смерть от женитьбы. Поэтому нарт избегает женщин, нигде не останавливается и даже не ложится отдохнуть. Но как-то раз, замерзая от холода, он решается зайти в дом и попадает к красавице-волшебнице Шаулух Инджи («смертельный бисер»?), которая давно мечтает обмануть его и завладеть его несметными богатствами. Напоенный служанками, Ёрюзбек попадает в спальню красавицы, которая, несмотря на его попытки сопротивляться, соблазняет его. Ёрюзбек умирает, а красавица объявляет себя его женой и завладевает его стадами.

¹ Но южнее этого хребта располагается и другой претендент на аланскую столицу – Нижне-Архызское городище.

² См. тж. др. северокавказские топонимы, напр.: р. Хушту-Суу и гора Хушту в Карачаево-Черкесии, гора Кушты/Кошта в Чечне, с. Куштиль в Дагестане.

Возможно, этот неожиданный финал истории о Ёрюзмеке мог быть поэтическим переосмыслением поздними сказителями трагического исхода интриги по захвату власти, который мог привести к расколу аланского государства и его падению как от внешних воздействий, так и из-за внутреннего ослабления. Действительно, время заката Алании приходится на период после Оросмика (и его династии?), с кульминацией в поражениях от монголов в начале XIII века.

Фигурки в бурках, которые подобно кавычкам отделяют сюжет эпоса, указывают на то, что художник изобразил на камне уже сформировавшийся эпос, возможно, созданный по случаю кончины героя. Практически полное соответствие между эпосом и рельефными изображениями на древнем мавзолее подтверждает отличную сохранность карачаево-балкарского эпоса и свидетельствует о том, что прото-карачаево-балкарский язык был оригинальным языком этого эпоса и периода создания памятника, то есть языком западной Алании XII века.

Благодарности

Автор благодарен многочисленным коллегам и друзьям, чьи поддержка, советы и замечания сделали возможной настоящую работу.

Список литературы

1. Cheung J. The Contacts between the Ossetians and the Karachay-Balkars, According to V. I. Abaev and Marrian Ideology под ред. R. Korkmaz, G. Doğan, Leiden – Boston: Brill, 2017. С. 17–38.
2. Gadjiev M. S. Interpretation of a bronze figurine of warrior from Gigatl', Daghestan Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. С. 199–212.
3. Idrīsi M. Nuzhat al-muštāq fī iḥtirāq al-āfāq. Arabe 2221 // 1152. С. 1–653.
4. Latham-Sprinkle J. The Alan capital Magas: A preliminary identification of its location // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2022. № 1 (85). С. 1–20.
5. MA-Shops Antike / Byzanz / Bleisiegel 6./7. Jhd. Antike / Byzanz Bleisiegel Kreuz ss, Belag [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ma-shops.de/fenzl/item.php?id=45572> (дата обращения: 22.04.2023).
6. MA-Shops Byzanz 6.-8. Jh. Bleisiegel s [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ma-shops.de/ritter/item.php?id=44380> (дата обращения: 22.04.2023).
7. Mariette P. Colchis Iberia Albania Quaeq; Caucasiae Gentes Isthmum qui Pontum Euxinu Caspium q; Mare Interjacet Incolunt . . . M DC LXVII – Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/82071/colchis-iberia-albania-quaeq-caucasiae-gentes-isthmum-qui-po-mariette> (дата обращения: 14.12.2022).
8. Seibt W. Personal communication with Prof. Seibt, 24-04-2023 // 2023.
9. Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Catalogue of the exhibition. Vienna, 1997 / W. Seibt, M.-L. Zarnitz, Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997.
10. Wikipedia Patriarchal cross. Wikipedia page. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Patriarchal_cross.
11. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: т. 4. Л.: Наука, 1989.

12. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Изд-во «Менеджер», 2003. 608 с.
13. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. М.: Наука, 1975. С. 159–179.
14. Кузнецов В.А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае М.: АН СССР, 1959.
15. Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья М.: Изд-во АН СССР, 1961.
16. Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: СНЕГ, 2008.
17. Кузнецов В.А. Кавказская Алания. Запад-Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ, 2019. 208 с.
18. Ортабаева Р.А.-К., Хаджиева Т.М., Холаев А.З. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой; отв. ред. А. И. Алиева. М.: Восточная литература, 1994. 656 с.
19. Ортабаева Р. А.-К., Хаджиева Т. М., Холаев А. З. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой; отв. ред. А. И. Алиева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbrusoid.org/library/folklore/407999/> (дата обращения: 03.05.2023).
20. Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.
21. Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. 2-е изд., Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 246 с.
22. Охонько Н. А. Новые смыслы кяфарского мавзолея. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 138 с.
23. Ставропольский государственный музей-заповедник. Виртуальный лапидарий Ставропольского музея-заповедника / рук. Брилева О. А. [Электронный ресурс]. URL: <http://3d.stavmuseum.ru/3D/xz0383.html> (дата обращения: 23.04.2023).
24. Хаджиева Т.М. Нартский эпос карачаевцев и балкарцев // *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. 2015. (8). С. 337–356.
25. Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей / Р. Т. Хатуев, Черкесск: Карачаевский НИИ, 2007. 118 с.
26. Эдиев Д.М. О привязке некоторых поселений Северо-Западного Кавказа и Предкавказья на карте Идриси (в печати) Ставрополь: Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, 2023.
27. Древнетюркский словарь под ред. Д. М. Насилова [и др.]. Астана: Ғылым, 2017. 760 с.

References

1. Cheung J. The Contacts between the Ossetians and the Karachay-Balkars, According to V. I. Abaev and Marrian Ideology. R. Korkmaz, G. Doğan, Leiden – Boston: Brill, 2017. Pp. 17–38.

2. Gadjev M. S. Interpretation of a bronze figurine of warrior from Gigatl', Daghestan Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. Pp. 199–212.
3. Idrīsī M. Nuzhat al-muštāq fi ihtirāq al-āfāq. *Arabe* 2221 // 1152. Pp. 1–653. (In Arabic)
4. Latham-Sprinkle J. The Alan capital Magas: A preliminary identification of its location. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2022. № 1 (85). Pp. 1–20.
5. MA-Shops Antike / Byzanz / Bleisiegel 6./7. Jhd. Antike / Byzanz Bleisiegel Kreuz ss, Belag [Electronic resource]. URL: <https://www.ma-shops.de/fenzl/item.php?id=45572> (access date: 22.04.2023).
6. MA-Shops Byzanz 6.-8. Jh. Bleisiegel s [Electronic resource]. URL: <https://www.ma-shops.de/ritter/item.php?id=44380> (access date: 22.04.2023).
7. Mariette P. Colchis Iberia Albania Quaeq; Caucasiae Gentes Isthmum qui Pontum Euxinu Caspium q; Mare Interjacet Incolunt . . . M DC LXVII – Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. [Electronic resource]. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/82071/colchis-iberia-albania-quaeq-caucasiae-gentes-isthmum-qui-po-mariette> (access date: 14.12.2022).
8. Seibt W. Personal communication with Prof. Seibt, 24-04-2023 // 2023.
9. Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Catalogue of the exhibition. Vienna, 1997 / W. Seibt, M.-L. Zarnitz, Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. (In German)
10. Wikipedia Patriarchal cross. Wikipedia page. [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Patriarchal_cross.
11. Abayev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka: t. 4 / V. I. Abayev, Leningrad: Nauka, 1989. (In Russian)
12. Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2003. 608 p. (In Russian)
13. Kononov A. N. Semantika tsvetooboznacheniy v tyurkskikh yazykakh M.: Nauka, 1975. Pp. 159–179. (In Russian)
14. Kuznetsov V. A. Nazemnyye grobnitsy na reke Krivoy v Stavropol'skom kraye M.: AN SSSR, 1959. (In Russian)
15. Kuznetsov V. A. Srednevekovyye dol'menoobraznyye sklepy Verkhnego Prikuban'ya M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. (In Russian)
16. Kuznetsov V. A. V verkhov'yakh Bol'shogo Zelenchuka. Pyatigorsk: SNEG, 2008. (In Russian)
17. Kuznetsov V. A. Kavkazskaya Alaniya. Zapad-Vostok. Istoriko-arkheologicheskiye ocherki. Pyatigorsk: SNEG, 2019. 208 p. (In Russian)
18. Ortabayeva R. A.-K., Khadzhiyeva T. M., Kholayev A. Z. Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachayevtsev / sost.: R. A.-K. Ortabayeva, T. M. Khadzhiyeva, A. Z. Kholayev; vstup. st., komment. i glossariy T. M. Khadzhiyevoy; otv. red. A. I. Aliyeva. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 656 p. (In Karachay-Balkar and Russian)
19. Ortabayeva R. A.-K., Khadzhiyeva T. M., Kholayev A. Z. Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachayevtsev / sost.: R. A.-K. Ortabayeva, T. M. Khadzhiyeva, A. Z. Kholayev; vstup. st., komment. i glossariy T. M. Khadzhiyevoy; otv. red. A. I. Aliyeva. [Electronic resource]. URL: <http://www.elbrusoid.org/library/folklore/407999/> (access date: 03.05.2023). (In Karachay-Balkar and Russian)

20. Okhon'ko N. A. Kyafarskiy mavzoley alanskogo pravatelya XI veka i voprosy yego interpretatsii. Stavropol': Dizayn-studiya B, 2020. 224 p. (In Russian)
21. Okhon'ko N. A. Kyafarskiy mavzoley alanskogo pravatelya XI veka i voprosy yego interpretatsii. 2-ye izd., Stavropol': Dizayn-studiya B, 2021. 246 p. (In Russian)
22. Okhon'ko N. A. Novyye smysly kyafarskogo mavzoleya. Stavropol': Dizayn-studiya B, 2022. 138 p. (In Russian)
23. Stavropol'skiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik. Virtual'nyy lapidariy Stavropol'skogo muzeya-zapovednika / head. Brileva O. A. [Electronic resource]. URL: <http://3d.stavmuseum.ru/3D/xz0383.html> (access date: 23.04.2023).
24. Khadzhiyeva T. M. Nartskiy epos karachayevtsev i balkartsev // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. 2015. (8). Pp. 337–356. (In Russian)
25. Khatuyev R. T. Khronika alanskikh tsarey. Cherkessk: Karachayevskiy NII, 2007. 118 p. (In Russian)
26. Ediyev D. M. O privyazke nekotorykh poseleniy Severo-Zapadnogo Kavkaza i Predkavkaz'ya na karte Idrisi (v pechaty) Stavropol': Stavropol'skiy gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik im. G.N. Prozriteleva i G.K. Prave, 2023. (In Russian)
27. Drevnetyurkskiy slovar' pod red. D. M. Nasilova [i dr.]. Astana: Gylym, 2017. 760 p. (In Russian)

Сведения об авторе. Эдиев Далхат Мурадинович, д.ф.-м.н., доцент, профессор, проректор по научной работе, информатизации и международному сотрудничеству Северо-Кавказской государственной академии (369000, Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 32), ORCID 0000-0001-7503-5142, ResearcherID ABF-1808-2020, e-mail: ediev@ncsa.ru, dalkhat@hotmail.com.

About the author. Ediev Dalkhat Muradinovich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Professor, Vice-Rector for Research, Informatization and International Cooperation of the North Caucasian State Academy (369000, Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Stavropolskaya St., 32), ORCID 0000-0001-7503-5142, ResearcherID ABF-1808-2020, e-mail: ediev@ncsa.ru, dalkhat@hotmail.com.

Дата поступления 26.05.2023

Принят к публикации 31.05.2023

Received May 26, 2023

Accepted for publication May 31, 2023

ИСТОРИОГРАФИЯ НЕСТОРИАНСТВА У ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

С.Е. Костогрызова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
kostogryzova91@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9000-6329>*

Резюме. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью комплексного анализа истории изучения несторианства у тюрко-монгольских народов. Historiography данного вопроса позволяет проследить эволюцию взглядов историков на данную проблему. Также историография несторианства позволяет обозначить перспективные направления в рамках изучения указанного религиозного течения в Центральной Азии, Южной Сибири, Дальнем и Ближнем Востоке. Данный аспект истории тюрко-монгольских народов является глубоко изученным, что обусловлено широким кругом письменных и археологических источников. Целью настоящей статьи является попытка комплексно рассмотреть историю изучения несторианства в российской и зарубежной исторической науке. Основными методами являются критический анализ источников (статей, монографий, докладов) и хронологический метод. В статье рассматриваются труды исследователей со второй половины XIX в. до начала XXI в. Российской империи, СССР, постсоветских государств и англоязычные работы британских, итальянских и монгольских историков.

Ключевые слова: несторианство, тюрко-монгольские народы, Центральная Азия, Великий Шелковый путь, керейты, найманы, уйгуры, Сирийская Церковь Востока.

Для цитирования: Костогрызова С.Е. Историография несторианства у тюрко-монгольских народов. *Тюркологические исследования.* 2023;6(2): 29–44.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE NESTORIANISM AMONG THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLE

S.E. Kostogryzova

*Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
kostogryzova91@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9000-6329>*

Abstract. The relevance of this problem is due to the need for a comprehensive analysis of the history of the study of Nestorianism among the Turkic-Mongolian people. The historiography of this issue allows us to trace the evolution of historians' views on this problem. Also, the historiography of Nestorianism allows us to identify promising directions in the study of this religious trend in Central Asia, Southern Siberia, the Far and Middle East. This aspect of the history of the Turkic-Mongolian

people is deeply studied, due to a wide range of written and archaeological sources. The purpose of this article is an attempt to comprehensively consider the history of the study of Nestorianism in Russian and foreign historical science. The main methods are the critical analysis of sources (the articles, the monographs, the reports) and the chronological method. The article examines the works of researchers from the second half of the XIX century to the beginning of the XXI century. The Russian Empire, the USSR, post-Soviet states and English-language works by British, Italian and Mongolian historians.

Keywords: Nestorianism, Turkic-Mongol people, Central Asia, the Great Silk Road, Keraites, Naimans, Uighurs, Syrian Church of East.

Forcitation: Kostogryzova S.E. The Historiography of the Nestorianism Among the Turkic-Mongolian People. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(2):29–44. (In Russ.)

Введение

Изучение распространения вероучения Сирийской Церкви Востока среди тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири раскрывает аспекты культурного взаимодействия разных регионов Евразийского континента. Поэтому она вызывала интерес исследователей разных стран и эпох. Историография несторианства в Азии и вклад в изучение данного вопроса отдельных исследователей ранее уже рассматривались. Однако для более широкого представления об историографии вопроса следует изучить и ряд трудов, не включенных в них, в том числе, и зарубежных исследователей.

Методы

Источниками нашего исследования являются труды специалистов разных направлений: археологов, тюркологов, китаистов, сириологов, монголоведов, историков церкви со второй половины XIX до начала XXI в. Анализ данных работ и хронологический метод позволили выявить общие точки зрения исследователей разных направлений, эпох и стран в некоторых аспектах рассматриваемой темы и определить перспективные направления исследования в рамках заявленной темы.

Результаты и обсуждение

Истории изучения несторианства в Азии в целом посвятил свою работу А.Б. Железняков. Им была рассмотрена российская дореволюционная и советская историография, история археологического изучения несторианства в Семиречье [8]. Н.К. Байгабатовой и А.Б. Кашагановой отмечен вклад Н.Н. Пантусова в изучение археологических памятников Семиречья, среди которых были и несторианские захоронения [2].

Вопросы истории восточносирийского, православного и католического христианства в Центральной Азии и на Ближнем Востоке интересовали исследователей, начиная с дореволюционного периода (вторая половина XIX – начало XX в.). В 1884 г. было открыто средневековое несторианское кладбище в окрестностях города Пишпека Токмакского уезда (на территории современного Кыргызстана). С этого времени начинается многолетнее сотрудничество старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусова с Императорской Археологической комиссией, а в 1885 г. предложению военного губернатора Семиреченской области генерал-майора А.Я. Фриде он стал агентом Комиссии

по приобретению древностей в Семиреченской области [2, с. 16]. «Весьма усердного сотрудника по части собирания среднеазиатских древностей Комиссия нашла в лице состоящего при военном губернаторе Семиреченской области старшего чиновника особых поручений, ориенталиста Пантусова (1849–1909) – сообщается в «Докладе о действиях Императорской Археологической комиссии за 1885 г.» [2, с. 16].

В 1885 г. Н.Н. Пантусов обследовал большое количество памятников археологии, сделал фотоснимки и эстампажи древних арабских и монгольских надписей, изображений на скалах и надгробных камнях и представил Археологической комиссии. Исследователь также произвел ширококомасштабные раскопки двух несторианских кладбищ вблизи Пишпека и Токмака совместно с ученым-садовником Пишпекского казенного сада А. М. Фетисовым (1842–1894) [13, с. 74]. Ими было раскопано более ста древних захоронений, в которых найдены надгробные камни с изображениями крестов и сирийскими надписями, которые позднее расшифровал профессор Санкт-Петербургского университета Д.А. Хвольсон. На поверхностях Пишпекского кладбища было зафиксировано 611 надмогильных галек. В Пишпекке было вскрыто 85 несторианских могил, в Токмаке – 34. По наблюдению Д.А. Хвольсона, многие надписи на могилах 1338–1339 гг. сообщали о смерти похороненного от чумы [8, с. 264]. Сам Н.Н. Пантусов определил письмо на камнях как уйгурское и отметил широкое использование этого письма в литературе и делопроизводстве [13, с. 79].

Таким образом, Н.Н. Пантусова можно назвать одним из основателей археологического изучения истории несторианства в Центральной Азии. Найденные его экспедицией артефакты показали, что христианство среди тюрко-монгольских народов имело определенное влияние. Была обозначена исследователем и проблема роли уйгурской культуры в Центральной Азии. В последующем исследователи советского и постсоветского периода будут использовать данные, собранные экспедицией Н.Н. Пантусова.

Российские исследователи дореволюционного периода при рассмотрении темы христианства в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, в том числе и тюрко-монгольских народов, работали не только с археологическими источниками, но и с письменными. В труде П.И.Кафарова (архимандрита Палладия) (1817–1878), посвященном ранней истории христианства в Китае, отражена история нахождения первого несторианского памятника, анализ его текста, раскрыта проблема времени начального этапа распространения христианства, его путей распространения, религиозная политика императоров династии Тан [1, с. 39–40]. Востоковед обратил внимание на стремление жителей Китая сохранить археологические памятники, относящиеся к не ханьским и давно исчезнувшим культурам.

Исследователем отмечена особая роль монгольской эпохи в распространении христианства на Дальнем Востоке и Центральной Азии: создание единого имперского пространства, поступление на службу иностранцев. Также П.И. Кафаров обратил внимание на сообщения юаньских источников о похоронах праха Сорхохтани-хатун в монастыре и службе монахов при дворе, таким образом, отмечая влияние христианства при дворе монгольских ханов. Автор перечисляет и другие источники: льготные грамоты монастырям, отраженные в Юань Ши, сообщение о христианском храме и фиксация христианских имен

в описании города Чжень Цзянь Фу. Подчеркнуто ученым и наличие равных прав христиан в Юань по отношению к другим конфессиям [1, с. 39–40].

Определенный вклад в изучение истории христианства в Азии внес профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии Н.В. Катанов (1862–1922). Им была отмечена география распространения христианства на Востоке: из Палестины в Абессинию, Аравию, Сирию, Персию Месопотамию, Армению, Афганистан, Индию, Монголию, Тибет. Свою доклад он посвятил теме распространения христианства из Сирии в Среднюю и Восточную Азию. Исследователь отметил наличие в музеях Казанского университета «древнехристианские вещи в музеях нашей Академии и нашего Университета и Императорской Казанской Духовной Академии.

«Под древнехристианскими вещами тут я разумею надмогильные камни со знаком креста, имеющиеся в музее Университета, и снимки с таких же камней, имеющиеся как в названном сейчас музее, так и в музее Академии. Пользуясь настоящим случаем, добавлю, что надмогильные камни со знаком креста имелись когда-то (в 1885 году) также у Преосвященного Неофита (Неводчикова), Епископа Туркестанского и Ташкентского, в Западно-Сибирском Отделе Императорского Русского Географического Общества (в г. Омске), в Обществе Археологии, Истории и Этнографии (при Казанском Университете) и в Императорской Археологической Комиссии (при Зимнем Дворце в Петрограде)» [9].

Самарканд назван тем городом, откуда христианство непосредственно распространялось в среде «тюркских племен» [9, с. 7]. Распространение учения Сирийской Церкви Востока он связывает с проникновением на Ближний Восток сторонников Нестория и объединением их с местными христианами. Исследователь связывает лояльность к несторианам Сасанидов с войнами Ирана с Византией. Отмечена не просто веротерпимость арабских халифов к несторианам, но и поддержкой их. Создание уйгурской письменности исследователь также связывает с распространением несторианства.

Н.В. Катанов отмечает и распространение другого нехалкидонского христианского течения – яковитства и его географические рамки: «Однако думают, что просвещали гузов не несториане, а православные миссионеры из Византии, которые действовали перед этим среди волжских хазар. Хорезмийцы в своем составе тоже имели христиан, но не несториан, причем эти христиане подчинялись антиохийскому патриарху, след., это были или яковиты, или иные сектанты. Но на юг, восток и северо-восток от Хорезма (нынешней Хивы) с IX в. встречаем только несториан» [9, с. 8]. Возникновение уйгурской письменности он возводит к сирийской и приходит к выводу, что она также способствовала появлению письменности у монголов, ойратов и маньчжуров: «Предполагают, что христианство было проповедано в вв. 8-м и 9-м тюркским племенам, жившим в пределах нынешних стран – Русского Туркестана, Китайского Туркестана и Монголии, именно: уйгурам (кангли), бурутам (кыргыз), меркитам, найманам, гузам и др. Из этих народов одни лишь уйгуры приняли сирийско-несторианскую письменность. От уйгуров эта сирийская грамота перешла сначала к монголам, а от последних к маньчжурам и калмыкам. Только благодаря этому у названных народов и могла образоваться литература» [9, с. 8].

К керейтам, по мнению исследователя, несторианство пришло из Мерва в начале XI в. как и многие историки предшествующего и последующего периодов Н.В. Катанов отмечал большое влияние несторианства среди монгольской

знати. Этим влиянием он также объяснял веротерпимость золотоордынских ханов по отношению к русской церкви [9, с. 11].

Н.В. Катанов выдвигает версию о влиянии другого христианского течения – византийского православия среди гузов (огузов), опираясь на свидетельство современника – арабского автора Казвини: «Гузы были христианами и по свидетельству арабского писателя Казвини. Однако думают, что просвещали гузов не несториане, а православные миссионеры из Византии, которые действовали перед этим среди волжских хазар. Хорезмийцы в своем составе тоже имели христиан, но не несториан, причем эти христиане подчинялись антиохийскому патриарху, след., это были или яковиты, или иные сектанты. Но на юг, восток и северо-восток от Хорезма (нынешней Хивы) с 9-го века встречаем только несториан». Однако автором не приводятся сведения записок Ибн Фадлана, где нет упоминаний о христианстве среди гузов. Также Н.В. Катанов в своем докладе приводит сведения об археологических источниках о распространении христианства в Центральной Азии, опираясь на данные, собранные Н.Н. Пантусовым [9, с. 8].

Заслуживает внимания привлечение Н.В. Катановым привлечение устных источников (фольклорных) – преданий сибирских старообрядцев о странах «Беловодье», «Опонию», видя их прототипами несториан. По версии исследователя, старообрядцы могли увидеть руины несторианских монастырей на Тянь-Шане [9, с. 12]. Ни до, ни после него никто из исследователей, труды которых рассматриваются в нашей работе, не использовал в качестве источника фольклор русских старообрядцев.

Доклад Н.В. Катанова содержит в себе обобщение данных письменных (арабских) и археологических источников, а также предположения, которые требуют проверки не только исследователями несторианства, но и истории распространения православия среди тюркских народов, в частности, огузов. Данные фольклора старообрядцев также могут быть анализированы с использованием методов современной науки.

Труды В.В. Бартольда (1869–1930) можно отнести как к дореволюционной, так и ранней советской историографии. Распространению христианства в данном регионе в домонгольский период посвящена отдельная монография, где автор опирается на сведения китайских и арабских источников. В.В. Бартольд критически оценивает сведения самих несторианских письменных источников об истории данной церкви, так как они, по мнению исследователя «отличаются противоречивостью и неопределенностью» [3, с. 10].

Исследователем была рассмотрена история внутрицерковных взаимоотношений Сирийской церкви Востока, отношения с другими нехалкидонскими церквями, а также с властями Сасанидского Ирана и Арабского халифата. В.В. Бартольд уделит внимание роли торговых путей в распространении христианства среди тюркских народов [3, с. 1–32]. Исследователь отмечал, что христианство в Центральной Азии начинает распространяться с IV в., а в 334 г. в Самарканде уже был свой епископ. Опираясь на сведения китайского автора Сюань-цана. В.В. Бартольд пишет, что официальным письмом Трансоксании (Мавераннахра) являлось сирийское [3, с. 6]. Также автор отмечает использование сирийского языка при написании священных книг манихеев. В монографии приводятся сведения арабского автора Ан-Недима о широком распространении христианства среди согдийцев и Нершахи о наличии христианских

церквей в Бухаре. Как и многие исследователи несторианства, В.В. Бартольд отмечает важную роль патриарха Тимофея (780–819) в распространении данного вероучения среди народов Центральной Азии.

В.В. Бартольдом были систематизированы и обобщены результаты исследований дореволюционных историков, а также был осуществлен анализ данных китайских и арабо-персидских источников. На работу российского и советского востоковеда в последующем опирались другие исследователи несторианства как в советский, так и постсоветский период.

В советский период в научный оборот вводится новый круг источников, отражающих историю несторианства среди тюрко-монгольских народов, – сирийские источники. Сириология является одной из старейших отраслей востоковедения. У ее истоков стоял интерес к истории христианской церкви, к изучению «священного писания», из которого вообще зародилось научное востоковедение. В исследовании сирийской литературы, неразрывно связанной с ранней историей христианства, это направление существует и поныне и оставалось господствующим до последнего времени. Выдающийся советский востоковед Н.В. Пигулевская (1894–1970) впервые стала использовать данные сирийских источников для изучения политической и социальной истории Ирана, Византии, Армении и Грузии. Эти сведения позволяют изучить выявить общетеоретические проблемы истории, такие, как единство исторического процесса на Западе и Востоке или основные закономерности становления социального строя на территории этих государств.

Труды Н.В. Пигулевской охватили все области сириологии. Ее авторству принадлежит «Каталог сирийских рукописей Ленинграда», заложивший основу дальнейших исследований. Исследовательницей были осуществлены перевод, публикация и анализ ряда сириязычных источников, в том числе «История Мар Ябалахи и Раббана Саумы»: была дана характеристика политической и религиозной ситуации в период написания источника [14, с. 403–705].

В евразийской историографии, берущей свое начало в советский период, теме несторианства среди тюрко-монгольских народов уделено важное место. Можно предположить, что она является подходящей для идеологического обоснования концепции «симбиоза» христианской Руси и Великой Степи, где имело место определенное влияние христианства. Много внимания ей уделено в трудах Л.Н. Гумилева (1912–1992). Помимо неподтверждающимся данными источников утверждением об обряде «братания» Александра Невского и Сартака, у исследователя имеется труд, основанный на анализе мифа о «Царе Да-виде» в латинских источниках [5].

Также в труде уделено внимание истории несторианства среди кочевников. Повествуя о распространении христианства среди кочевников, Л.Н. Гумилев во многом ссылается на труды В.В. Бартольда. Как и предшественники, он отмечает, что несторианство пришло в Центральную Азию и Китай из Персии. В процессе распространения, согласно Л.Н. Гумилеву, оно столкнулось с другими религиями, ранее распространившимися среди тюркских народов: буддизмом, манихейством, исламом и религией бон [5, с. 43]. Историк и писатель считает, что распространению христианства среди кочевников способствовало отсутствие в его вероучения деления людей по этническому и социальному признаку: «Универсализм христианства, в котором «нести ни варвар, ни скиф, ни эллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал ко-

чевников как неполноценных людей и не вёл к подчинению чужому хану, будь то «Сын Неба» или «Наместник пророка». Напротив же, победа «китайского гуманизма», то есть стремление избавиться от чужеродных элементов в своей культуре, свелась к расправе над беззащитными подданными и потому не перелестнула китайскую стену» [5, с. 43].

Таким образом, в трудах Л.Н. Гумилева утверждения о роли несториан нередко сопровождалось отсутствием ссылок на источники, что, в целом, характерно для его работ. Однако в «Поисках вымышленного царства» исследователь опирается на работу В.В. Бартольда и пытается проследить эволюцию мифа о «Пресвитере Иоанне».

В постсоветский период исследования проблемы несторианства у тюрко-монгольских народов продолжились российскими и казахстанскими специалистами. Были опубликованы труды, как посвященные истории Ассирийской Церкви Востока (Сирийской Церкви Востока) в целом, так и распространению несторианства в отдельных регионах Азии: Ближнего Востока, Центральной Азии, Южной Сибири.

Проблеме христианства (всех направлений) в Улусе Джучи посвящена глава монографии Н.М. Малова, А.Б. Малышева и А.И. Ракушина [19]. Авторы работы отмечают, что проникновению несторианства и буддизма в Улус Джучи способствовало привлечение Чингизидами к государственной службе уйгуров [19, с. 11].

В области сирологии исследования истории несторианства нашли свое отражение в трудах Н.Н. Селезнева и А.В. Муравьева, посвященных, в основном ближневосточному христианству. Определенное внимание в них уделено распространению сирийского христианства среди иранских и тюрко-монгольских народов Центральной Азии и религиозной политике правителей Ильханата и Империи Юань.

Вопросу распространения несторианства среди тюрко-монгольских народов уделено внимание в монографии Н.Н. Селезнева, посвященной истории Ассирийской Церкви Востока [17]. Разделы о миссионерской деятельности Сирийской церкви и ее положении в Монгольской империи и Государствах Чингизидов написаны с привлечением широкого круга источников: латинские, арабо-персидские, сирийские. Следует отметить, что историками церкви, к которым относится Н.Н. Селезнев, термин «несторианство» не используется или берется в кавычки.

Н.Н. Селезнев, как и В.В. Бартольд, отмечает роль патриарха Тимофея I в распространении учения Церкви Востока в Центральной Азии. Автор считает, распространение христианства достигло территории Тибета, приведя надпись на китайской каменной табличке, хранящейся в музее японского города Уэноу о назначении в Тибет епископа Авраама. Исследователь видит влияние христианства в буддийской иконографии [17, с. 50].

Автор приводит такие источники как послания, где упоминалось обращение одного из тюркских народов. XI – XII вв. исследователь считает временем активизации миссионерской деятельности Сирийской Церкви Востока. Опираясь на сообщение Рашид ад-Дина, автор пишет о принятии христианства кереитами в 1005 г. и отмечает влияния этого народа в Центральной Азии. В качестве аргумента Н.Н. Селезнев приводит возникновение легенды о «царстве пресвитера Иоанна», успешно боровшегося с мусульманами [17, с. 49].

Н.Н. Селезнев, отмечая широкое распространение христианства в Монгольской империи, считает, что следует с осторожностью относиться к сообщениям источников о принятии христианства каким-либо Чингизидом. Такая точка зрения совпадает с мнением историка А.Г. Юрченко [20, с. 86].

Важную роль в распространении влияние христианства среди элиты Н.Н. Селезнев отводит покорению Чингисханом кереитов и найманов и бракам Чингизидов с представительницами кереитской знати. Исследователь пишет, что период правления монгольской династии Юань является временем возрождения христианства в Китае после гонений, начавшихся в период поздней Тан. При этом он отмечает, что данный период был «сравнительно коротким» [17, с. 55].

Н.Н. Селезнев считает, что в период правления Хулагуидов в Иране, начиная с патриаршества Мар Ябалахи, уйгура по происхождению, на данной территории начинается период обострения христианско-мусульманских отношений. Причиной автор называет попытки монгольских властей установить союз с крестоносцами. XIV в. исследователь считает временем упадка сирийского христианства в Азии и связывает это с борьбой ислама и христианства, возникшей после принятия ислама в качестве государственной религии в Государстве Хулагуидов. А.В. Муравьев опровергает распространенную точку зрения об уничтожении несторианства в Центральной Азии Амиром Тимуром, ссылаясь на записи Клавихо [11, с. 60–61].

Особенностью данной работы является использование сирийских источников и продолжение традиций сириологии, заложенных Н.В. Пигулевской. Использование данных источников для изучения истории народов Ближнего Востока, Кавказа, Центральной Азии, в том числе и тюрко-монгольских, является перспективным.

Исследователь истории ближневосточного христианства А.В. Муравьев уделяет внимание распространению несторианства в Центральной Азии и Китая в одной из глав многотомника, посвященного истории Христианского Востока [11, с. 635–637]. Он также рассматривает распространение сирийского христианства в Центральной Азии и Китае эпохи Тан по Великому Шелковому пути.

Проблема несторианства у тюрко-монгольских народов также вызывает интерес исследователей Казахстана, на территории которого находятся археологические артефакты – камни-кайраки и тюрко-сирийские эпитафии. В трудах Б.А. Железнякова раскрывается проблема распространения несторианства в Семиречье – на территории, вошедшей в состав Улуса Чагатай, а также история исследования и анализ археологических источников – камней-кайраков [7, с. 296–307].

Исследователь делает предположение, что апостол Андрей был на территории современного Казахстана, при этом ссылаясь не на исторический источник, а на слова ахиерископа Владимира (фамилия и название публикации или рукописи в ссылках не указаны): «Андрей, который благовествовал в Великой Скифии пересек земли теперешней территории Западного Казахстана, достигнув Согдианы и по своему обыкновению воздвиг Крест в горах Ургут около Самарканда, где позже расцвело христианское поселение с монастырем Вазгерд» [7, с. 296].

Заслуживает внимания точка зрения исследователя на роль католических миссионеров в межрелигиозных отношениях в Рах Mongolia: преследуя свои религиозные интересы, они способствовали разжиганию межконфессиональной вражды [7, с. 296–307]. Исходя из этого, исследователь делает вывод, что знакомство народов Центральной Азии с христианством должно было состояться в середине I в. н.э., но при этом отмечая, что апостольской проповеди в Центральной Азии письменных известий не сохранилось.

Первые письменные и археологические источники о проникновении христианства в среду народов Центральной Азии Б.А. Железняков относит к III–IV вв. Как и многие исследователи несторианства, Б.А. Железняков подчеркивает особую роль Шелкового пути в распространении несторианства, а также географическое положение территории Жетысу и Южного Казахстана.

Другая работа Б.А. Железнякова посвящена археологическим источникам – камням-кайракам, которые ставились над могилами несториан и были найдены на территории Жетысу. Здесь автор опирается на дореволюционные исследования археологических источников – работу Н.Н. Пантусова по изучению христианских захоронений Пишпекского кладбища, где указано, что было скрыто 119 могил Пишпекского и Токмакского кладбищ. В данной работе автор приводит тюрко-сирийские надписи как результат культурного взаимодействия в Центральной Азии.

Исследователь датирует данные памятники началом XIII – серединой XIV вв. и считает, что на территорию современного Казахстана несторианство пришло от христианизированных кочевых народов территории современных Монголии и Восточного Китая: (онгутов, найманов, чигилей) [6, с. 126]. Б.А. Железняков полагает, что мировоззрение христиан-кочевников представляло из себя синкретизм христианских и языческих элементов: «Изображение креста воспринималось несторианами не как символ орудия казни Христа, а как символукрашение, лишь образно восходящее к христианским основам, элементы орнаментики которого были доработаны в характерной тюркской манере и служат памятниками культурного религиозно-этнического симбиоза» [6, с. 128].

Таким образом, в трудах исследователя Б.А. Железнякова привлечены археологические и письменные источники, обозначен вероятный путь проникновения несторианства на территорию современного Казахстана. Автор также дает характеристику культурным взаимодействиям на территории Семиречья, определяет мировоззрение христиан данной территории как синкретизм.

Особое внимание несторианству уделял исследователь истории татар-кряшен М.С. Глухов, интересуясь вопросом распространения христианства в тюркской среде. Отдельно следует рассмотреть его статью в сборнике «Национальное самоопределение кряшен» 2012 г. [12, с. 425–431]. М.С. Глухов рассматривает вопрос распространения несторианства среди тюрко-монгольских народов в обзорной статье о христианстве в тюркском мире. Зарождение данного христианского течения автор связывает с учением Нестория, не поясняя, что восточносирийское христианство возникло раньше него. Национальное самоопределение кряшен: история и современность: материалы третьих публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 75-летию. Как и предыдущие исследователи, М.С. Глухов отмечает роль

Великого Шелкового пути в распространении христианства в Центральной Азии [12, с. 425–431].

Как и его предшественники, исследователь «Признание и понимание они нашли в Сирии и Месопотамии, несколько позднее широкую поддержку получили в Персии и других государствах Центральной Азии. Так, уже в 503 г. были основаны епископства в Герате и Самарканде. В начале VII в. несторианство проникло в Китай, о чем свидетельствуют известные науке сирийско-китайские надписи в Синьяньфу». Далее автор допускает фактическую ошибку, говоря о крещении несторианским патриархом Тимофеем «султана» Малой Азии (имя правителя не названо, как и источник, на который ссылается автор) в VIII в. и называет город Каракорум [12, с. 426], который действительности относится к другой эпохе и другому региону Евразийского континента.

Вызывает сомнение и еще ряд утверждений М.С. Глухова: женитьба Сартака на «дочери Александра Невского»: «...а прямой наследник хана – Сартак принял православие и женился на дочери Александра Невского» [12, с. 425] (здесь также не приведены ссылки на источники), тогда как из русских источников известно только об одной дочери Александра – Евдокии, и сам источник довольно поздний – XVI в., а именно запись о захоронении «княжны» в Успенском соборе Княгинина монастыря [14, с. 228]. Отсутствуют какие-либо данные о влиянии православных христиан при дворе Сартака, тогда как подобные сведения имеются о влиянии сирийских христиан (вероятно, несториан) и григориан [16, с. 112–129]. Следующее утверждение о том, что золотоордынский хан Узбек родился в семье христиан, также осталось без ссылок на источники. Таким образом, в работе М.С. Глухова содержится множество фактологических ошибок и неточностей, а также утверждений с отсутствием ссылок на источники.

Работа российского и турецкого исследователей С.Г. Баталова и А. Байоглу посвящена распространению несторианства среди тюркских народов Южной Сибири [4, с. 98–103]. В статье анализируются найденные во время археологических исследований могильника Уелги IX–XI вв. три крестовидные серебряные накладки, не имеющие аналогов в одновременных средневековых памятниках сопредельных регионов. В 2010 г., во время археологических исследований могильника Уелги IX–XI вв. (Челябинская область), на территории площадки, занятой курганом № 1, в числе прочих артефактов были обнаружены три крестовидные серебряные накладки [4, с. 98].

Авторы данной работы отмечают роль согдийцев в распространении христианства среди тюркских народов. Они считают, что кочевники «воспринимали в основном лишь внешние формы обрядности языческий пантеизм кочевого сообщества не только способствовал расширению пантеона, но и предоставлял определенные внешнеполитические преференции раннегосударственным объединениям номадов» [4, с. 98]. Данная работа показывает перспективность дальнейшего исследования темы распространения христианства среди народов Южной Сибири и определения степени его влияния в средние века.

В Государстве Хулагуидов находился центр Сирийской Церкви Востока. Среди ее последователей в его приделах были как представители оседло-земледельческих народов (сирийцы, персы), так и кочевых (кереиты, найманы, уйгуры, онгуты и представители других тюрко-монгольских этносов, переселившиеся в ходе завоевания). В работах Т.К. Кораева отмечены отличия от-

ношений христианских общин Ирана и Сирии с монгольскими ильханами от отношений с прежними правителями данных территорий – арабскими халифами и сельджукскими султанами. Автор пишет, что, в отличие от сельджуков, монголы во время завоевания Ирана, Месопотамии и Сирии не испытали на себе сильного ближневосточного культурного влияния, однако незначительная часть тюрко-монгольских народов (знать керейтов и найманов) несторианские проповедники стали посредниками историко-культурными пространствами Передней и Центральной Азии. Также исследователь отмечает культурное взаимовлияние ближневосточных христиан (сирийцев, персов) и тюрко-монгольских переселенцев (монголов, онгутов, уйгуров) [10, с. 127–128].

В зарубежной историографии также уделяется внимание теме несторианства среди тюрко-монгольских народов как в качестве отдельного вопроса, так и в рамках изучения других тем. В работах финского исследователя Р. Хауталы раскрывается проблема создания образа монголов в ранних европейских источниках. Исследователем также отмечена роль несториан Ближнего Востока, проживавших на территории королевств крестоносцев, в распространении информации о монголах и их влияние на характер данной информации.

В отношении несторианства среди тюрко-монгольских народов, этому вопросу уделено немного внимания: автор пишет только наличие несториан среди найманов и керейтов способствовало возникновению легенде о христианском воинстве «Царя Давида» и что крещенные кочевники не составляли большинство войска Чингисхана [18, с. 17].

Работа британского исследователя Дж. Лейна посвящена анализу исторического источника – “Та’рих мухтасар ад-дувал” («Краткой истории государств») Бар Гебрея [23]. Основная часть работы и анализируемого источника посвящена событиям на Ближнем Востоке. Относительно восточного христианства, здесь также основное внимание уделено ближневосточным христианам, а не центральноазиатским. Исследователь дает характеристику историческому контексту, в котором происходило создание данного источника. Дж. Лейн отмечает, что Бар Гебрей описал урон, который был нанесен народам Ближнего Востока и Малой Азии во время монгольского завоевания, но при этом видел положительные стороны правления Хулагу, о смерти которого выражал глубокую скорбь. Исследователь связывает это с политикой первых монгольских правителей Ирана по отношению к христианам.

Автор отмечает, что Бар Гебрей, в отличие от других христианских хронистов, не склонен видеть особого покровительства, оказываемого Хулагу христианам Ближнего Востока. Дж. Лейн пишет, что жена Хулагу Докуз-хатун, «керейтская принцесса», была христианкой. При этом Хулагу исследователь называет буддистом [23, р. 223].

Отражению истории несторианства у тюрко-монгольских народов посвящена работа итальянского исследователя Пьера Борбоне. Как и в научных трудах советских, российских и казахстанских историков, здесь проводится точка зрения о проникновении христианства в Центральную Азию через Шелковый путь. Отмечается посредническая роль в этом торговцев – персов и согдийцев, роль патриарха Тимофея в распространении несторианства среди тюрко-монгольских народов.

П. Борбоне приводит и археологические данные: надпись на каменных склонах, оставленная пилигримами к востоку от Самарканда [22, р. 11]. Иссле-

дователь приводит интересную версию, что оставивший ее человек занимался преподаванием, или наставничеством. Примечательно, что автор пишет о традиции учительства (вероятно, обучения основами религии).

П. Борбоне подробно анализируется «история Мар Ябалахи и Раббана Саумы». В рамках заявленной темы исследования обратимся к точке зрения исследователя об этническом происхождении Раббана Саумы и Маркоса (Мар Ябалахи): П. Борбоне считает путешественника онгутом, а онгутов – монголизированными тюрками, при этом испытывавшими сильное китайское культурное влияние [22, р. 12].

В данной работе приводятся археологические данные, свидетельствующие о распространении христианства среди онгутов: кресты, найденные на месте онгутского поселения Олон-Сюме. Также автор упоминает и другие археологические источники по истории несторианства – найденные российскими дореволюционными исследователями эпиграфические памятники в Туркестане, о которых в нашей работе шла речь ранее. Историк отмечает двуязычие надписей (использования сирийского и тюркского письма) и их краткость, которую он связывает с тем, что в данном регионе было мало владеющих этим языком. П. Борбоне дает характеристику структуры несторианской церкви в пределах Империи Юань, выявляя в источнике термины обозначения церковных санов на сирийском языке и делает вывод, что для нее была характерна стройная самодостаточная иерархия [22, р. 15].

Таким образом, в работах П. Борбоне привлекается широкий круг источников: как письменных (сирийских). Так и археологических (эпиграфические). «История Мар Ябалахи и Раббана Саумы» используется как источник по изучению внутрицерковных отношений среди несториан в Государствах Чингизидов и этнического состава несторианских общин.

История христианства в Государствах Чингизидов вызывает интерес исследователей и в Монголии. Данной теме посвящена работа исследовательницы Болормаа Оюнчимэг. [21, с. 225–238]. В начале работы проводится краткий обзор истории распространения несторианства в Азии, которое связывается автором с учением Нестория. Временем распространения несторианства среди древних уйгуров, проживавших на территории современной Монголии и Внутренней Монголии в составе Китая, согласно точке зрения автора являются VIII–X вв.

В работе приведены несторианские артефакты уйгурского, киданьского и монгольского времени: камни с изображением креста, женское христианское захоронение в аймаке Умнеговь, полученные данные шведской археологической экспедицией 1929 г. во главе со Свенном Гедином, обнаружившей остатки несторианской церкви XIII в. в 30 км от сомона Батхаалга (Внутренняя Монголия). В приложении к тексту представлены фотографии артефактов [21, с. 233–238]. Представленные здесь археологические данные и описания находок могут быть использованы другими исследователями для написания будущих научных работ.

Подводя итоги, можно отметить, что научное изучение истории несторианства у тюрко-монгольских народов берет свое начало 70-80-е гг. XIX в. и охватывает несколько наук (историю и археологию) и направлений (тюркологию, монголоведение, синологию, церковную историю). Привлекается широкий круг источников: как письменных, так и археологических. Большинство ис-

следователей разных периодов и стран сходятся в точке зрения о роли Великого Шелкового пути в распространении несторианства в Центральной Азии и Южной Сибири из Ирана, о посреднической роли персидских и согдийских христиан, о синкретизме религиозных обрядов христиан-кочевников. Территорию археологических исследований в рамках данной темы можно условно разделить на два региона: Семиречье и территорию Монголии и Внутренней Монголии. Для первого характерно изучение камней-кайраков и надмогильных плит с тюрко-сирийскими эпитафиями, для второго – изучение захоронений и камней с крестами более крупных размеров.

Благодарности

Автор выражает признательность научному руководителю кандидату исторических наук, доценту Л.Ф. Абзалову за помощь в подготовке статьи.

Список литературы

1. Архимандрит Палладий (Кафаров). Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 39–40.
2. Байгабатова Н.К., Кашаганова А.Б. Вклад Н.Н. Пантусова в изучение археологических памятников Семиречья // The scientific heritage. 2021. С. 15–18.
3. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том восьмой. 1893—1894. Выпуски I–II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. С. 1–32.
4. Боталов С.Г., Байоглу А. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 98–103.
5. Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: ГРВЛ, 1970. 432 с.
6. Железняков Б.А. Камни-кайраки – массовый источник по христианству XII–XIV вв. Центральной и Восточной Азии // Археология Казахстана. № 3(5). 2019. С. 122–141.
7. Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века // Известия МОН РК. Сер. обществ. Наук. № 1. Алматы, 2002. С. 296–307.
8. Железняков Б.А. Проблемы изучения вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Известия НАН МОН РК Сер. обществ. наук. № 1 (274). Алматы, 2010. С. 264–273.
9. Катанов, Н.Ф. Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае: Речь, предназначенная для произнесения на торжеств. годич. собр. Имп. Казан. духов. акад. 8-го ноября 1916 г. орд. проф. Н.Ф. Катановым. Казань: Центр. тип., 1916. 20 с.
10. Кораев Т.К. Христианские общины Ближнего Востока во внутренней политике хулагуидских ильханов XIII в.: по монофизитским и несторианским источникам // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2004. № 4. С. 127–128.
11. Муравьев А.В. Христианство в Танском Китае // В кн.: Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В двух книгах. Кн. 1: Части 1-3. М: РОССПЭН, 2019. С. 635–637.

12. Национальное самоопределение кряшен: история и современность: материалы третьих публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 75-летию (23 ноября 2012 года, Казань) / Совет ветеранов кряшенского движения г. Казани; [под науч. ред.: А. В. Фокина, Р. Р. Сулейманова]. Казань, 2013. 115 с.

13. Пантусов Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том первый. 1886. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887. С. 74–83.

14. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб: Институт Востоковедения РАН, 2000. 831 с.

15. ПСРЛ. Т. XXI. Издание 1-е. Половина первая. Книга Степенная царского родословия (1-10 степени грани). СПб., 1908. 350 с.

16. История монгалов. – Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны. Ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. – М: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

17. Селезнев Н.Н. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М: Ассирийская Церковь Востока, 2001. 105 с.

18. Хаутала Р. История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии. Золотоордынское обозрение. 2014. С. 25–49.

19. Христианство в Золотой Орде // Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде: Учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 128 с.

20. Юрченко А.Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб: Евразия, 2012. 368 с.

21. Bolormaa O. Relevant Findings to Nestorian History Found in Mongolia // Conference on the Study of Christianity: International Jingjiao Symposium. P. 225–238.

22. Borbone P. Some Aspects of Turco-Mongol Christianity in the Light of Literary and Epigraphic Syriac Sources // Journal of Assyrian Academic Studies. 2005. № 2. Vol. 19. P. 5–20.

23. Lane G. An Account of Gregory Bar Hebraeus Abu al-Faraj and His Relations with the Mongols of Persia. Hugoye. 1999. № 2. P. 209–233.

References

1. Arximandrit Palladij (Kafarov). Starinny`e sledy` xristianstva v Kitae po kitajskim istochnikam // Kitajskij blagovestnik. 2001. № 1. S. 39-40. (In Russian)

2. Bajgabatova N.K., Kashaganova A.B. Vklad N.N. Pantusova v izuchenie arxeologicheskix pamyatnikov Cemirech`ya // The scientific heritage. 2021. S. 15–18. (In Russian)

3. Bartol`d V.V. O xristianstve v Turkestane v domongol`skij period. (Po povodu semirechenskix nadpisej) // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arxeologicheskogo Obshhestva. Tom vos`moj. 1893–1894. Vy`puski I–II. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1893. S. 1–32. (In Russian)

4. Botalov S.G., Bajoglu A. Rasprostranenie nestorianstva sredi tyurkoyazy`chny`x kochevnikov Sayano-Altaya i Yuzhnogo Urala v VI–XI vv. // Ural`skij istoricheskij vestnik. 2017. № 4 (57). S. 98–103. (In Russian)

5. Gumilyov L.N. Poiski vy`my`shlennogo czarstva (Legenda o «gosudarstve presvitera Ioanna») // M.: 1970. 432 s. (In Russian)
6. Zheleznyakov B.A. Kamni-kajraki – massovy`j istochnik po xristianstvu XII–XIV vv. Central`noj i Vostochnoj Azii. *Arxeologiya Kazaxstana*. № 3(5), 2019. S. 122-141. (In Russian)
7. Zheleznyakov B.A. O nestorianstve Semirech`ya v srednie veka. *Izvestiya MON RK. Ser. obshhestv. nauk*, № 1. Almaty`, 2002. S. 296–307. (In Russian)
8. Zheleznyakov B.A. Problemy` izucheniya voprosov rasprostraneniya nestorianstva v Azii do XV v. *Izvestiya NAN MON RK Ser. obshhestv. nauk*. № 1 (274). Almaty`, 2010. S. 264-273. (In Russian)
9. Katanov, N.F. Neskol`ko slov o rasprostraneni xristianstva v Persii, Mesopotamii, Srednej Azii, Mongolii i Kitae: Rech`, prednaznachennaya dlya proizneseniya na torzhestv. godich. sobr. Imp. Kazan. duxov. akad. 8 -go noyabrya 1916 g. ord. prof. N.F. Katanovy`m. – Kazan`: Centr. tip., 1916. 20 s. (In Russian)
10. Koraev T.K. Xristianskie obshhiny` Blizhnego Vostoka vo vnutrennej politike xulaguidskix il`xanov XIII v.: po monofizitskim i nestorianskim istochnika // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2004. № 4. S. 127-128. (In Russian)
11. Murav`ev A.V. Xristianstvo v Tanskom Kitae // V kn.: Ocherki istorii xristianskix civilizacij: v dvux tomax T. 1: Ot zarozhdeniya do arabskix zavoevanij. V dvux knigax. Kn. 1: Chasti 1-3. M: ROSSPE`N, 2019. S. 635-637. (In Russian)
12. Nacional`noe samoopredelenie kryashen: istoriya i sovremennost`: materialy` tret`ix publiczny`x chtenij pamyati uchenogo-kryashenovoda M.S. Gluxova, posvyashhenny`x ego 75-letiyu (23 noyabrya 2012 goda, Kazan`) / *Sovet veteranov kryashenskogo dvizheniya g. Kazani*; [pod nauch. red.: A. V. Fokina, R. R. Sulejmanova]. – Kazan`, 2013. 115 s. (In Russian)
13. Pantusov N. Xristianskoe kladbishhe bliz goroda Pishpeka (Semirechenskoj oblasti) v Chujskoj doline // *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arxeologicheskogo Obshhestva*. Tom pervy`j. 1886. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1887. C. 74—83. (In Russian)
14. Pigulevskaya N.V. Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody`. – SPb: Institut Vostokovedeniya RAN, 2000. 831 s. (In Russian)
15. PSRL. T. XXI. Izdanie 1-e. Polovina pervaya. Kniga Stepennaya czarskogo rodosloviya (1-10 stepeni grani). SPb., 1908. 350 s.
16. Istoriya mongalov. – Rubruk Gil`om. Puteshestvie v Vostochny`e strany`. Red., vstup. stat`ya, primech. N. P. Shastinoj. – M: Gosudarstvennoe izdatel`stvo geograficheskoy literatury`, 1957. 291 s. (In Russian)
17. Seleznev N.N. Assirijskaya Cerkov` Vostoka. Istoricheskij ocherk. – M: Assirijskaya Cerkov` Vostoka, 2001. 105 s. (In Russian)
18. Xautala R. Istoriya deyanij Davida, czarya Indij (1221): latinskij tekst, perevod i kommentarii. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2014. S. 25-49. (In Russian)
19. Xristianstvo v Zolotoj Orde // Malov N. M., Maly`shev A. B., Rakushin A. I. *Religiya v Zolotoj Orde: Ucheb. posobie*. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. 128 s. (In Russian)
20. Yurchenko A.G. Zolotaya Orda. Mezhdru Yasoj i Koranom. Nachalo konflikta SPb: Evraziya, 2012. 368 s. (In Russian)

21. Bolormaa O. Relevant Findings to Nestorian History Found in Mongolia // Conference on the Study of Christianity: International Jingjiao Symposium. P. 225-238.

22. Borbone P. Some Aspects of Turco-Mongol Christianity in the Light of Literary and Epigraphic Syriac Sources // Journal of Assyrian Academic Studies. 2005. № 2. Vol. 19. P. 5-20.

23. Lane G. An Account of Gregory Bar Hebraeus Abu al-Faraj and His Relations with the Mongols of Persia. Hugoye. 1999. № 2. P. 209–233.

Сведения об авторе: София Евгеньевна Костогрызова, студент магистратуры Института международных отношений, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Пушкина 1/55), e-mail: kostogryzova91@mail.ru.

About the author: Sofia E. Kostogryzova, Master student of the Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University (420111; st. Pushkina 1/55, Kazan, Russian Federation), e-mail: kostogryzova91@mail.ru

Дата поступления 15.05.2023

Принят к публикации 25.05.2023

Received May 15, 2023

Accepted for publication May 25, 2023

**ХЕЛЬМУТ КАРЛ БЕРНХАРД ФОН МОЛЬТКЕ
«ПИСЬМА О ЖИЗНИ И СОБЫТИЯХ В ТУРЦИИ 1835–1839 ГГ.»**

И.З. Нафиков

И.Н. Ахметшина

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
ilsur.nafikov@gmail.com
ilvina712@gmail.com*

Резюме. В статье представлен исторический анализ биографии и деятельности Хельмута Карла Бернхарда фон Мольтке и его работы под названием «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.». Хельмут Мольтке имеет огромное значение в развитии военного дела в Германском союзе и Османской империи, а его работа представляет большую ценность в понимании структуры общественной жизни турецкого народа. Работа представлена в виде путевых заметок и писем друзьям и родственникам. Произведение имеет энциклопедический характер, которое предоставляет информацию о турецкой культуре, истории, географии и структуре общества. В нем рассказывается о языке, религии и повседневной жизни людей, в особенности сравнивается жизнь мусульманского и немусульманского населения.

Ключевые слова: Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке, Османская империя, «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1838 гг.», путевые заметки, общественная жизнь, быт, культура.

Для цитирования: Нафиков И.З., Ахметшина И.Н. Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.». *Тюркологические исследования*. 2023;6(2):45-56.

**HELMUT KARL BERNHARD VON MOLTKE «LETTERS ON
CONDITIONS AND EVENTS IN TURKEY IN THE YEARS 1835–1839»**

I. Nafikov

I. Akhmetshina

*Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
ilsur.nafikov@gmail.com
ilvina712@gmail.com*

Abstract. The article presents a historical analysis of the biography and activities of Helmut Karl Bernhard von Moltke and his work entitled «Letters on Conditions and Events in Turkey in the Years 1835-1839». Helmut Moltke is of great importance in the development of military affairs in the German Union and the Ottoman Empire, and his work is of great value in understanding the structure of public life of the Turkish people. The work is presented in the form of travel notes and letters to friends and relatives. The work has an encyclopedic character, which provides information about Turkish culture, history, geography, and the structure of

society. It tells about the language, religion, and everyday life of people, especially comparing the lives of Muslim and non-Muslim populations.

Keywords: Helmut Karl Bernhard von Moltke, The Ottoman Empire, «Letters on Conditions and Events in Turkey in the Years 1835-1839», travel notes, social life, everyday life, culture.

For citation: Nafikov I.Z., Akhmetshina I.N. Helmut Karl Bernhard von Moltke «Letters on Conditions and Events in Turkey in the Years 1835–1839» *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(1):45–56. (In Russ.)

Введение

Хельмут фон Мольтке Старший был немецким (прусским) фельдмаршалом, в дальнейшем также являлся главнокомандующим армии во время франко-прусской войны 1871 г. Однако, во время его службы в качестве младшего офицера, он проводит больше четырёх лет на территории Османской империи как военный советник. Хельмут Мольтке прибывает в Турцию на краткосрочный период. Тем не менее во время своего нахождения на Османской территории правительство страны просит его войти в турецкое обслуживание по военным делам и вопросам. Получив разрешение от своего военного офиса в Германии, он принимает данное предложение.

Во время его пребывания в империи он начинает отправлять письма своим членам семьи и друзьям в Германии об Османской империи. Но согласно турецкому переводчику Хэрулле Ерсу некоторые из этих писем не были действительно письмами, но были эссе по определенным темам и были добавлены к коллекции позже. Письма были изданы во французской газете *Le Temps* в 1872 г., т. е. вскоре после франко-прусской войны. Во введении редактор М. Неффзер написал, что эти письма отражают интеллектуальный фон врага, где под «врагом» он имеет виду немецкое военное руководство. Письма бывшего капитана генерального штаба, ныне знаменитого фельдмаршала графа Мольтке, относятся к периоду времени с 1835 по 1839 гг.

Несмотря на отдаленность этого времени, письма высоко даровитого автора сохраняют свою актуальность и, вследствие крайнего застоя турецкого быта, многие из них имеют большой вклад в изучении османской культуры для нынешних исследователей. Точно также не лишены значения географические и военные заметки весьма наблюдательного автора, совершившего различные поездки по Турции.

Методы

В настоящее время не так много статей освещают биографию и работы заграничных деятелей, которые повлияли на исход многих исторических событий. В большинстве случаев встречаются работы, которые освещают отдельно биографию и работы автора. Также следует отметить, что не имеются работ по анализу труда Хельмута Карла Бернхард фон Мольтке «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.». В данной статье мы обратились к исследованию Власова Н. А. «Полководец Индустриальной Эпохи» описывается жизненный путь и биография Хельмута Карла Бернхард фон Мольтке, его поездки в разные страны, а также военная деятельность. Вместе с тем при написании данной статьи нами была проанализирована статья многих иностранных авторов, таких, как например Selçuk Ünlü и его работа «Feldmareşal Moltke'nin Şark Gezisi (W. Von Dühneim)» и Fatih Özaslan с работой «Osmanlı Basınından Türk

ve Almanların Karşılıklı Nayranlığına İlişkin Bir Kesit: Asker Mecmuası Örneği», где описываются путешествия фельдмаршала по территориям Востока, а в основном по территории Османской империи, где он пишет свои письма родным и друзьям и анализирует эту местность для дальнейшей взаимной деятельности Османской и Германской империй. Следует отметить, что мы также изучили и сами письма Хельмута Карла Бернхард фон Мольтке, которые были написаны на немецком языке.

Результаты и обсуждения

Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке родился 26 октября 1800 г. в северогерманском городке Пархим, Мекленбург. Он родился в семье древнего дворянского рода, оставившего заметный след в истории. Во время наполеоновских войн семья перебирается на датскую территорию, отец Хельмута вступает на военную службу, а сына отдает в кадетский корпус, где и начинается его военный путь. Весь период обучения был тяжелым и строгим, однако Хельмут фон Мольтке блестяще сдает выпускные экзамены и зачисляется в звание секунд-лейтенанта в Ольденбургский пехотный полк. Став в 1819 г. офицером датской армии, он стремится к большему, и в 1822 г. молодой офицер выбирает службу в прусской армии и начинает свою военную карьеру в 5-й кавалерийской бригаде во Франкфурте-на-Одере [1, с. 68]. Однако Хельмута в скором времени переводят во Всеобщую военную школу в Берлине, считавшейся интеллектуальным центром прусской армии. В Берлине он начинает изучение и составление подробных карт Пруссии, пишет свои первые произведения на общественно-политические темы.

Весной 1833 г. Мольтке становится штатным офицером Большого генерального штаба, что позволяет ему начать путешествовать. Осенью 1835 г. он в звании капитана отправляется в поездку по Балканам, где собирается посетить столицу Османской империи Стамбул, а дальше отправиться в Италию. Он сам проектирует план своей поездки, составляет свой маршрут, который должен быть направлен в Италию через Стамбул и Афины [1, с. 68]. 30 ноября 1835 г. Хельмут прибывает в Стамбул после тяжелой дороги через Бухарест, Адрианополь для начала своего отпуска. В то время Османской империей правит султан Махмуд II, который желает реформировать свою армию и усовершенствовать её. Султан просит остаться Хельмута в стране для реализации плана по организации армии нового образца «низам-и джедит», которая должна быть создана по европейскому образцу. Мольтке получает статус официально командированного и занимает должность военного советника султана [2, с. 15]. Его служба в Османской империи, которая продлилась четыре года, предоставляет ему возможность для реализации своего военного потенциала и участия в вооруженных конфликтах, таких как курдский поход 1838 г. и Турецко-египетская война 1838–1839 гг. [9, с. 34]. Первые два года Мольтке проводит в Стамбуле, обучая солдат и создавая карты. Он путешествует по Дарданеллам, Болгарии, совершает поездки в Измир, а также пересекает Анатолию. Также он проводит около года и трех месяцев в бассейне Евфрата и Тигра, где создает карты почти неизвестного в то время региона. В своих письмах Мольтке описывает битву при Низибе, в которой османская армия терпит поражение, в основном за счет того, что командующий Хафиз-паша не следует рекомендациям военного советника [1, с. 69]. Однако несмотря на это, влияние Мольтке на османскую армию имело положительный характер,

что в дальнейшем послужило для развития связей между Османской империей и Германией.

После возвращения из Османской империи на родину Мольтке выпускает свою книгу – «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.» [1, с. 69], в которых описывает свою жизнь в этой стране, с чем он столкнулся и как проходила его служба. В эти годы Хельмут работает военным учителем и специалистом по укреплениям турецкой армии. Мольтке относится ответственно ко всем своим заданиям и поручениям. Его друзья также сообщают, что он был готов сделать всё возможное для реализации целей, будучи даже больным. Мольтке в своем письме от 3 ноября 1838 г. заявляет: “Нет времени болеть, когда перед тобой стоит такая важная задача”. Во всей его работе видно, как Мольтке изо всех сил пытается учиться и перенимать все, от языка до сложной политической ситуации, в чужой стране.

По приезде на родину он становится адъютантом принца Генриха в 1845–1846 гг., а в 1855–1857 гг. – принца Фридриха Вильгельма [1, с. 70]. Совместно с ними Мольтке посещает различные страны, что помогает ему продолжить удовлетворение своей страсти в путешествиях. Во время адъютантства он посещает практически все столицы великих держав Европы: Лондон, Париж, Петербург. Также имеются воспоминания Мольтке о поездках в Российскую империю.

Месяц спустя по возвращении из путешествий на родину в 1857 г. его производят в генерал-майоры и назначают руководителем Большого генерального штаба. Одним из основных причин назначения на эту должность является его сдержанность, надёжность, собранный за рубежом опыт в военном деле, а также его познания. В процессе этой службы Мольтке пишет записки военному министру, в которых выступает за активную политику и разрабатывает план по военным кампаниям. Хельмут принимает участие в войне Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., где разрабатывает десантную операцию на острове Альс, что способствовало заключению мира. Этот момент считается одним из самых основных и поворотных в судьбе Мольтке. После прихода к власти в 1862 г. Отто фон Бисмарка Мольтке получает поддержку со стороны нового правителя.

В 1866 г. Хельмут также имеет успехи в Австро-прусской войне. Он играет активную роль на совещании высшего политического и военного руководства, а также в переговорах о союзе с Италией. В процессе данной военной кампании Мольтке фактически становится главным военным советником короля. Кампания 1866 г. стала одним из важных рубежей в жизни Мольтке. Опыт, полученный в 1866 г., позволил ему составить в 1869 г. «Инструкцию для высших офицеров», который является одним из самых важных и малоизвестных военных документов XIX века.

Данное руководство он также использовал на деле во время его последней военной кампании – Франко-германской войне 1870–1872 гг. [1, с. 71]. Также, как и во время войны с Австрией, армия Франции была быстро разгромлена. Стратегический, оперативный и тактический успех находился на стороне немецких войск. Однако данная кампания не имела быстрого успеха, так как во Франции произошла революция, а также в ходе войны вспыхнул конфликт между гражданскими властями в лице Бисмарка и генеральным штабом. Тем

не менее, в итоге военное столкновение завершилось благополучно для немецких властей.

В 1871 г. в Версале провозглашается Германская империя, где армия занимает одно из основных мест в государственном аппарате. Также Мольтке является одним из «отцов-основателей» Конституции 1871 г., которая придает империи военный характер. Мольтке также в 1872 г. получает возможность для контроля над подготовкой офицерского корпуса в рамках Военной академии – так теперь называлась Всеобщая военная школа.

Несмотря на заключенный мир с Францией в 1871 г., Мольтке продолжает с недоверием относиться европейским странам и начинает составление будущих кампаний против Франции, Австрии и России. В ходе данных работ автор рассматривает войну на двух фронтах, предрекая возможные союзы между странами. Однако Хельмут также рассматривал союз с Австрией и сыграл основную роль в переговорах в 1879 г. для заключения союза. Данное сотрудничество положило начало для создания в Европе системы противостоящих военно-политических блоков, где с одной стороны была Германия и Австрия, а с другой – Россия, Англия и Франция.

Помимо своих военных заслуг, он прославился своими обширными знаниями и могучим пером. В 1871 г., то есть через год после германо-французской войны, в парижской газете *Le Temps* были напечатаны переводы некоторых произведений из турецких писем и выдержки из произведения, но имя автора не было названо.

С течением времени в 1888 г. Хельмут Мольтке выходит в отставку [1, с. 74]. Однако это не останавливало его популярность среди народа, его авторитет все так же был почитаем. Мольтке вольно невольно внёс огромный вклад в военное дело Германии и имел большое значение в истории страны. Имя фельдмаршала, несмотря на его смерть в 1891 г., стало важной составляющей частью государственной идеологии империи. В нем видели истинные черты патриота, верность государству. Его военный опыт был также тщательно изучен, структурирован и систематизирован. Он является одним из тех полководцев, которые повлияли как на исторический период своей страны, так и на военное дело других государств, в том числе и Османской империи, письма о которой сохранились до сегодняшних дней и были переведены с немецкого языка на другие, в частности и на турецкий.

«Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.»

Письма, написанные Хельмутом Мольтке во время его пребывания в Османской империи, были собраны в единый формат и выпущены под названием «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.». Эта работа представляет собой исследование по Османской империи в тот период, большая часть писем автор отправлял родителям, кроме того, существуют письма, которые он писал прусскому графу Кенигсмарку или начальнику прусского генерального военного штаба, а также письма, которые он писал своим друзьям (Фишеру и фон Бинке), которые также находились на службе в Османской империи, но в Анатолии. В 1872 г., то есть через год после германо-французской войны, в парижской газете *Le Temps* были напечатаны переводы некоторых произведений из турецких писем и краткое содержание произведения, но имя автора не было названо [10]. Письма Мольтке создают впечатление, что это в значительной степени путевые заметки. Из писем Мольтке можно узнать об османских

городах 1836–1839 гг. Автор писем подробно описывает карты пролива Дарданеллы для того, чтобы выявить наличие военных укреплений и сооружений. Произведение, состоящее из 66 писем, содержит очень важную информацию о местах, которые он посетил и видел. Письма, созданные в период, когда технология еще не была развита, отражают атмосферу эпохи. Произведение предоставляет информацию о турецкой культуре, истории, географии и структуре общества.

В 1837 г. Хельмут Мольтке отплывает из Стамбула, пересекая Мраморное море, добирается до полуострова Галлиполи и Дарданелл [12]. Он путешествует по Трое, которую описывает как руины города, расположенные у пролива. Во время нахождения на этой территории автор также попадает под землетрясение, которое описывает в своих письмах.

Благодаря письмам можно также получить информацию о социальной жизни Османской империи. После землетрясений в Чанаккале, он возвращается в Стамбул. По возвращении его приглашают на свадьбу, которую он ясно описывает в своих письмах. Он описывает, как султан устраивает для своей дочери свадьбу на берегу Босфора в районе Бейоглу. Автор описывает как происходит рассадка, столовые приборы, украшения, шатры, также идет рассказ и о приданом невесты, которое состоит из мулов, нагруженных различными большими тканями, коврами, шелковыми платьями и одеждой, подносами. На подносе также описывается Коран, обложка которого была украшена золотом и жемчугами. Находясь в Стамбуле, Хельмут также посещает мероприятие, связанное с обрезанием принца. По этим письмам можно понять о том, как проходили различные празднования и обряды на территории Османской империи, в частности в султанской семье.

В 1837 г. Хельмут Мольтке посещает Бурсу, он сравнивает этот город со Стамбулом и противопоставляет их, сказав, что Стамбул – это картина, шитая синими нитями (ссылаясь на море), а Бурса – зелеными. «... Более сотни белых минаретов и круглых куполов возвышаются над землей на склонах гор, холмы которых покрыты снегом, а подножья лесами, которые помогают согреться зимой, а летом предоставляют дрова. <...> Удивляет же людей, посетивших Бурсу – это обилие воды, наличие большого количества рек, источников. Здесь фантастические мечети, караван-сарай, фонтаны, хамамы» [12]. Про жизнь в городе подробно описываются в письмах Мольтке.

Мольтке в своих письмах рассказывает и про Измир, куда он прибывает через пролив Дарданеллы и Эгейскому морю: «... в конце залива виден город Измир, позади которого простираются горы, а сам город выглядит будто амфитеатр...» Автор описывает строения города, его растительность, сооружения, которые остались с древних времен. В Измире он находится восемь дней, после чего отправляется обратно в Стамбул.

Мольтке путешествует по многим городам Османской империи, что подтверждается в его рассказах о таких городах как Трабзон, Адрианополь, Салоники, Самсун, Сивас, Мосул, Алеппо, Багдад, Амасью, Токат, Малатья, Диярбакыр, Адану, Урфу, Биледжик, территории Евфрата и Тигра, а также большое количество других городов. Он достигает глубинных территории Анатолии. Помимо своих военных обязанностей здесь он составляет карты этих территорий. Путешествуя по территории Османской империи, Хельмут узнает о по-

литической и военной ситуации в Анатолии, а также достаточно красочно изображает архитектурные памятники в городах.

В «Письмах жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.» описываются также и понятия, связанные с турецким фольклором, включающие в себя населенные пункты и их типы, жилье, народную архитектуру, транспортные средства, народное хозяйство, еду, одежду, медицину, народные верования, празднования, предметы народной литературы. Мольтке изображает множество интересных поселений (деревень, городов, провинций) во время своего путешествия по Анатолии. Плато и казармы, которые находятся в населенных пунктах, а также которые привлекли внимание Мольтке в то время, когда он находился в Анатолии. В своем письме от 3 ноября 1838 г. он упоминает важность «Яйлак» и «Кышлак» (казарма) для турок. Он отмечает, что дома, в которых турки жили летом, чтобы пасти свои стада, назывались «яйлак», а места, где они проводили зимовку, назывались «кышлаками». В нем также говорится, что места, где сидят солдаты, также называются «кышлаками», потому что даже в городах солдаты летом живут в палатках.

Древние руины и исторические артефакты в поселениях Анатолии являются важными источниками информации, поскольку мы можем изучать прошлые культуры. При глубоком изучении народной архитектуры можно увидеть, что она представляет собой цельный клубок. «Когда народная архитектура рассматривается в этой совокупности, она выступает в качестве наиболее важного культурного элемента, который дает представление о некоторых оценочных суждениях рассматриваемого общества, семейных и родственных отношениях, добрососедских отношениях, обычаях и верованиях, социальной и общественной организации».

В период с 1835 по 1839 гг. в Османской стране многие архитектурные сооружения, связанные с оседлым бытом, сосуществовали. Мольтке в своем письме от 6 апреля 1838 г. заявляет, что он был гостем для семьи из Мараша, и эта семья жила в шатре. «Внутренняя часть шатра (как и другие, это был черный бекас, сотканный из козьей шерсти) была разделена на множество комнат низкими перегородками из циновки; в них мужчины, женщины, лошади, верблюды, коровы, козы всегда находили свое место отдельно» [11].

Беседки, первые архитектурные памятники перехода к оседлому образу жизни в Османской стране, также привлекли внимание Мольтке. Форма дома, называемая беседкой, имеет боковые стороны, облицованные сухим камнем, при условии, что задняя часть выходит на гору или землю, так что у нее нет дверей и окон, а передняя сторона, обращенная к кибле, полностью открыта. В другом письме, написанном 25 октября 1835 г., он заявляет, что дома (беседки) в Валахии были закопаны в землю, а крыши были покрыты только ветками. В своем письме от 16 марта 1838 г. он описывает дома в Элязыге следующим образом: «Деревенские дома покрыты плоской землей, а их стены покрыты холмом. Настолько, что с одной стороны, люди не замечают домов». «Дома были оштукатурены глиной. Их вершины были покрыты бревнами и землей» [7, с. 197].

Мольтке отмечает, что, за исключением простых построек в Анатолии, земля также использовалась в качестве основного материала для построек в центре города. В нем говорится, что дома или даже мечети и бани в Малатье были оштукатурены землей. Кроме того, он упоминает о существовании

других домов, построенных из глины, в зависимости от материалов присущих той или иной местности. В своем письме от 6 апреля 1838 г. он изображает архитектурные памятники Урфы, в то время как жилища были получены путем высечки песчаников на возвышенностях города, в то время как на равнинных участках он обращает внимание на купольные дома из камня и глины [4, с. 42]. Он заявляет, что в деревне есть сотни жилищ, построенных близко друг к другу, и заявляет, что одно из этих жилищ было конюшней, другое – гаремом, а другое – местом приема гостей. В своем письме от 23 ноября 1836 г. в Стамбуле [5, с. 153], столице Османской империи; он передает, что дома в Стамбуле всегда были деревянными, даже большие дворцы султана представляли собой не что иное, как широкие деревянные укрытия, но на каменном фундаменте из тонких досок были установлены слабые, часто не очень высокие каркасы, которые были обшиты деревом и оштукатурены внутри, а крыша была покрыта черепицей.

Еще одно сооружение, привлечшее внимание Мольтке, – это тюрбе (место захоронения), которые местные жители считают священными. «Тюрбе – это места, известные широкой публике как святилища, где захоронены люди, считающиеся обладающими духовной силой и достоинствами. «Тюрбе сделана из самого красивого мрамора и камня и увенчана куполом. Гроб в центре здания покрыт драгоценными кашмирскими платками. Рядом с мавзолеями находятся минарет, больница, фонтан.» Кроме того, в нем говорится, что надгробия турецких женщин украшены цветами, а незамужних девушек украшают бутонами роз.

В зависимости от климатических особенностей и географических условий Анатолии Мольтке чаще всего ездит верхом на лошади во время путешествия. В своем письме он передает подробную информацию, касающуюся лошадей, поскольку они являются частью повседневной жизни как самих турков, так и его. В своем письме от 18 января 1837 г. он заявляет, что лошади неопускимо послушны, но в то же время информация о лошадях дает различные сведения и описывает важность лошади для турок: «На самых доблестных арабских лошадях турок можно ездить верхом; животное может быть живым и игривым» [5, с. 153]. Находясь в Мосуле, Мольтке также рассказывает об арабских лошадях и их происхождении во время своего путешествия по региону. В этом районе обитают лошади породы Кюхейлан. Также говорится, что была составлена и повешена на шею генеалогия лошадей породы, в которой указаны их родители при рождении. Кроме того, он снова указывает на важность повозок, запряженных лошадьми, и заявляет, что повозка была полностью сделана из дерева. Он рассказывает об этом 8 марта 1838 года в своем путешествии по окрестностям Амася и Токат.

Среди животных, с которыми Мольтке столкнулся в Анатолии, больше всего его впечатлили верблюды. Разведение верблюдов также является одним из важных занятий в турецкой общественной жизни. После прибытия в Анатолию из Центральной Азии они продолжали разводить верблюдов и использовать верблюдов в качестве транспортных средств для перевозки скота и грузов. Мольтке говорит, что верблюжье мясо полезно и вкусно, и утверждает, что его кожа и кости тоже полезны. В своем письме от 4 августа 1836 г. во время поездки в Измир Мольтке рассказывает, что путешествовал на осле. Как еще один транспорт, кажется, что мулов используют в труднодоступных местах из-

за географических условий. Мольтке отмечает, что 26 марта 1836 г. [5, с. 139], направляясь в сторону Мараша, они воспользовались там мулами. «Эти животные очень хорошо ходят. Они комфортно передвигаются безудержно по скалам и обрывам». Он изображает строительство плота во время его путешествия в Мосул (1 мая 1838 г.) [12].

Основу народного хозяйства турецкого общества составляют этапы производства, сбыта и потребления. Настолько, что Мольтке, путешествуя по разным местам Анатолии, делал различные наблюдения. В своих наблюдениях он также предоставил информацию о продуктах, выращиваемых в Анатолии, и их вкладе в экономику. Когда Мольтке прибыл в Малатья из Элязыга (20 июля 1838 г.), он пришел к выводу, что в этой местности можно выращивать тутовых шелкопрядов, основываясь на обилии тутовых деревьев в Малатье. Он даже рассказал Хафизу-паше, как было бы полезно привезти сюда нескольких производителей шелка из Бурсы или Амасьи для производства этого изысканного товара из шелка, чтобы доставить его в Асбуз (Малатья). Потому что он заметил, что здесь растет не менее 20–30 тысяч тутовых деревьев. Сезонные фрукты, выращиваемые в Малатье в соответствии с климатическими особенностями, привлекли внимание Мольтке. В нем говорится, что местные жители летом мигрировали в Асбузу (ныне Малатья), в то время как он заявляет, что здесь климат и структура почвы, подходящие для выращивания вишни, яблок, абрикосов, грецких орехов и фиговых деревьев. 20 ноября 1835 г., он заметил в своем письме, что в Стамбуле люди зарабатывали на жизнь тем, что вывозили свою продукцию на рынки и продавали ее [11]. В нем говорится, что в Йеркее продаются хлопчатобумажные и полупелюшковые ткани, конская кожа, фрукты, сапоги и тапочки.

В то время как питание, которое было одним из основных потребностей, было частью борьбы за выживание в первые периоды, оно стало культурной ценностью в зависимости от развития цивилизации. «Причина, по которой в каждом обществе есть свои уникальные особенности в продуктах питания, заключается в том, что уровень культуры, подчиненных ресурсов и промышленного развития в этом обществе различен. Эти различия менялись и развивались с момента существования человечества до наших дней». Мольтке, основываясь на блюдах, которые ему подавали за столами, за которыми он был гостем в Анатолии, выдвинул идеи о вкусовых предпочтениях турок. Здесь есть информация о многих видах блюд, от дворцового стола до солдатских блюд. Говоря, что во время поездки в Бурсу в 1836 г. ему предложили шашлык, он объяснил шашлык в виде «маленьких кусочков баранины, приготовленных на вертеле и завернутых в лаваш». Он также упомянул, что после шашлыка наряду с оливками и халвой, любимым десертом турок, подают хошаф (виноградный компот). В 1837 г., во время своего путешествия по Балканам, он рассказывает, что туркам здесь нравилось варенье из роз (его письмо от 21 мая 1837 г.) [3, с. 272]. В нем говорится, что варенье из роз – очень популярное варенье в Турции, и его едят утром перед кофе со стаканом воды. Мольтке заявляет, что турки проявили гостеприимство, и в своем письме от 2 ноября 1837 г., в котором он описывает свое путешествие в Румелию и Болгарию, заявляет, что во время путешествия им уделялось много внимания в том месте, где они останавливались. В нем рассказывается, как семья, в которой он был

гостем, зарезала гуся, смешала его с большим количеством крупы ячмень, приготовила суп.

В своем письме от 4 июня 1838 г. Мольтке приписывает то, что солдаты в горах Гарзан были сильными и здоровыми, благодаря их хорошей диете и, в частности, хлебу, который они делали сами. Здесь солдаты готовят хлеб вместе с едой. В нем говорится, что солдаты замешивают полученную муку в тонкий лаваш и готовят ее на листовой сковороде, как омлет. Мольтке упоминает в своем письме от 20 мая 1836 г., что на празднике, на котором он присутствовал, им подали жаркое из баранины, халву из муки и меда, а также хошаф.

В своих письмах Хельмут Мольтке описывает и одежду. «Одежда – один из элементов, составляющих основу национальной культуры. У них есть своя уникальная одежда и манера одеваться, которые служат для того, чтобы отличать разные нации (культуры), живущие бок о бок на Земле» [3, с. 272]. Поэтому в зависимости от региона, народа, профессии у людей различная одежда и свои особенности.

Хельмут Мольтке не только описывает жизнь и хозяйство турецкого общества, но также составляет карты. Первая геодезическая карта Стамбула была составлена в 1776 г. Это карта в масштабе 1:10 000, составленная Ф. Кауффером. Карта охватывает исторический полуостров, Золотой Рог, Ускудар и Кадыйкей. Вторая важная карта после Ф. Кауффера – это карта Хельмута Мольтке, составленная в масштабе 1:25 000 в 1836 и 1837 гг. [4, с. 86]. Карта включает участок от европейской стороны до Бакыркея, Алибейкёй на участке Золотого рога и Анатолийской крепости и крепости Румели на Босфоре. Однако первоначальная версия карты Мольтке в настоящее время утеряна.

Заключение

Работа Хельмута Карла Бернхарда фон Мольтке под названием «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.» включает в себя наблюдения автора за образом жизни и мировоззрением общества в городах, которые он посетил в пределах Османской страны за период с 1835 по 1839 гг. Эти наблюдения относятся к истории, географии, социологии, архитектуре, литературе и т. д. Некоторые элементы народной культуры, переданные Мольтке, либо забыты, либо исчезли из-за изменившихся условий жизни. Наличие этих сведений в виде письменных источников имеет важное значение для турецкой культуры и истории. Автор не только описывает увиденное, но и добавляет к ним свои собственные комментарии и мысли. В этом случае письма приобрели вид путевого письма. Впечатления Мольтке о местах, которые он посещал и видел в своих письмах, содержат информацию и документы, которые сами по себе могут быть предметом исследования. Поселения и их типы, жилье (архитектура), транспортные средства, народное хозяйство, виды питания, одежда, народная медицина, народные верования являются основными из них.

Список литературы

1. Власов Н. А. Полководец индустриальной эпохи // В зарубежных армиях. № 5. 2011.
2. Akcan, E. (2013) Colmar Von Der Goltz Paşa'nın Osmanlı Ordusu ve Asker-Sivil Aydınlar Üzerindeki Etkisi, Iğdır Üniversitesi İİBF Siyaset Bilimi

ve Uluslararası İlişkiler Bölümü, Julius-Maximilians-Universität Würzburg/Almanya’da düzenlenen Uluslararası Tarihi ve Kültürel Yönleriyle II. Türk-Alman Gelişkileri Sempozyumu.

3. Alptekin, M. (2020). Feldmareşal Helmunt Von Moltke’nin Türkiye Mektupları’nda Türk Folkloruna Ait İzler. EUROASIA SUMMIT Congress on Scientific Researches and Recent Trends-7.

4. Ciritci, İ. (2021). Moltke’nin Ayak İzinden İstanbul’un 180 Yıllık Değişimi. Gece Kitaplığı Yayınevi: Mimarlık Planlama ve Tasarım Alanında Araştırma ve Değerlendirmeler – I.

5. Fischer, H. W., Moltke, A. v., Bell, C., Moltke, H. v., Graf von Moltke, H., Moltke, L. V. (1891). Letters of Field-Marshal Count Helmuth Von Moltke to His Mother and His Brothers: Translated by Clara Bell and Henry W. Fischer. Великобритания: James R. Osgood, McIlvaine and Company. (In English).

6. Göyünc, N. (2001). Dicle ve Fırat Nehirlerinde Nakliyat. ELLETEN , 65 (243) , 655-660.

7. Graf von Moltke, H. (1893). Field-Marshal Count Helmuth Von Moltke as a Correspondent. Соединенные Штаты Америки: Harper & Brothers. (In English).

8. Örs, H. (2015). Moltke’nin türkiye mektupları / Feldmareşal Helmuth Von Moltke. Remzi Kitapevi.

9. Özalsan, F. (2018) Osmanlı Basınından Türk ve Almanların Karşılıklı Hayranlığına İlişkin Bir Kesit: Asker Mecmuası Örneği, SSAD Stratejik ve Sosyal Araştırma Dergisi.

10. Sunguroğlu, B. H. (2017) Moltke’nin Türkiye Mektupları, Remzi Kitapevi İstanbul.

11. Ünlü, S. Von Dühneim W. Feldmarşal Moltke’nin Şark Gezisi. Dokuz Eylül Üniversitesi Basımevi.

12. Von Moltke, F. M. G. H. (2017). Moltke: His Life and Character: Sketched in Journals, Letters, Memoirs, A Novel, and Autobiographical Notes. Соединенные Штаты Америки: Normanby Press.

References

1. Vlasov N. A. Commander of the industrial era. *In foreign armies*. No. 5. 2011. (In Russian)

2. Akcan, E. (2013) Colmar Von Der Goltz Paşa’nın Osmanlı Ordusu ve Asker-Sivil Aydınlar Üzerindeki Etkisi, Iğdır Üniversitesi İİBF Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Bölümü, Julius-Maximilians-Universität Würzburg/Almanya’da düzenlenen Uluslararası Tarihi ve Kültürel Yönleriyle II. Türk-Alman Gelişkileri Sempozyumu. (In Turkish).

3. Alptekin, M. (2020). Feldmareşal Helmunt Von Moltke’nin Türkiye Mektupları’nda Türk Folkloruna Ait İzler. EUROASIA SUMMIT Congress on Scientific Researches and Recent Trends-7. (In Turkish)

4. Ciritci, İ. (2021). Moltke’nin Ayak İzinden İstanbul’un 180 Yıllık Değişimi. Gece Kitaplığı Yayınevi: Mimarlık Planlama ve Tasarım Alanında Araştırma ve Değerlendirmeler – I. (In Turkish).

5. Fischer, H. W., Moltke, A. v., Bell, C., Moltke, H. v., Graf von Moltke, H., Moltke, L. v. (1891). Letters of Field-Marshal Count Helmuth Von Moltke to His

Mother and His Brothers: Translated by Clara Bell and Henry W. Fischer. Великобритания: James R. Osgood, McIlvaine and Company. (In English).

6. Göyünç, N. (2001). Dicle ve Fırat Nehirlerinde Nakliyat. ELLETEN , 65 (243) , 655-660 . (In Turkish).

7. Graf von Moltke, H. (1893). Field-Marshal Count Helmuth Von Moltke as a Correspondent. Соединенные Штаты Америки: Harper & Brothers. (In English).

8. Örs, H. (2015). Moltke'nin türkiye mektupları / Feldmareşal Helmuth Von Moltke. Remzi Kitapevi. (In Turkish)

9. Özalsan, F. (2018) Osmanlı Basımından Türk ve Almanların Karşılıklı Hayranlığına İlişkin Bir Kesit: Asker Mecmuası Örneği, SSAD Stratejik ve Sosyal Araştırma Dergisi. (In Turkish).

10. Sunguroğlu, B. H. (2017) Moltke'nin Türkiye Mektupları, Remzi Kitapevi İstanbul. (In Turkish)

11. Ünlü, S. Von Dühneim W. Feldmarşal Moltke'nin Şark Gezisi. Dokuz Eylül Üniversitesi Basımevi. (In Turkish)

12. Von Moltke, F. M. G. H. (2017). Moltke: His Life and Character: Sketched in Journals, Letters, Memoirs, A Novel, and Autobiographical Notes. Соединенные Штаты Америки: Normanby Press. (In English)

Сведения об авторах: Нафиков Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского Федерального университета (420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55), e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Ахметшина Ильвина Наилевна, магистрантка Института международных отношений Казанского федерального университета (420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55), e-mail: ilvina712@gmail.com

About the authors: Ilsur Z. Nafikov, Ph. D. (History), Associate Professor of the Department of Altaistics and Sinology of the Institute of International Relations of Kazan Federal University (420008, Kazan, Pushkin str., 1 / 55), e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

I.N. Akhmetshina, master's student of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University (420008, Kazan, Pushkin str., 1 / 55), e-mail: ilvina712@gmail.com

Дата поступления 31.05.2023

Принят к публикации 05.06.2023

Received May 31, 2023

Accepted for publication June 05, 2023

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

И.З. Гарифуллин

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

Elnar-1979@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>

Резюме. В статье рассматривается вопрос о возникновении первых татарских национальных объединений в Башкортостане и предпосылках их появления. Целью данной публикации является определить факторы способствовавшие появлению татарских национальных организаций, а также их цели и главные задачи. Системный метод использованный в исследовании позволяет охарактеризовать деятельность татарского общественного движения Башкортостана как целостное явление. Для решения поставленных задач помимо системного использованы и специальные научные методы. Это историко-генетический метод, на основе которого исследуются причинно-следственные связи и предпосылки возникновения татарского общественного движения. Сделаны выводы о том, что развиваясь параллельно со становлением подобных национальных организаций в соседнем Татарстане, оно имело свои уникальные и отличные от нее предпосылки для своего возникновения, чего не было ни в одном другом субъекте страны. Материалы статьи могут быть использованы для анализа механизмов влияния общегосударственных и внутрирегиональных факторов на процессы этнизации.

Ключевые слова: татарское национальное движение, Башкортостан, статус татарского языка, программа.

Для цитирования: Гарифуллин И.З. Особенности возникновения татарского национального движения Башкортостана. *Тюркологические исследования*. 2023;6(2):57–63.

FEATURES OF THE EMERGENCE OF THE TATAR NATIONAL MOVEMENT OF BASHKORTOSTAN

I.Z. Garifullin

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Kazan,
Republic of Tatarstan, Russian Federation*

Elnar-1979@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>

Abstract. The article deals with the issue of the emergence of the first Tatar national associations in Bashkortostan and the prerequisites for their appearance. The purpose of this publication is to identify the factors that contributed to the emergence of Tatar national organizations, as well as their goals and main objectives. The systematic method used in the study allows us to characterize the activity of

the Tatar social movement of Bashkortostan as an integral phenomenon. In addition to the system, special scientific methods were used to solve the tasks set. This is a historical and genetic method, on the basis of which the causal relationships and prerequisites for the emergence of the Tatar social movement are investigated. Conclusions are drawn that developing in parallel with the formation of similar national organizations in neighboring Tatarstan, it had its own unique and different prerequisites for its emergence, which was not in any other subject of the country. The materials of the article can be used to analyze the mechanisms of influence of national and intraregional factors on the processes of ethnization.

Keywords: Tatar national movement, Bashkortostan, status of the Tatar language, program.

For citation: Garifullin I.Z. Features of the Emergence of the Tatar National Movement of Bashkortostan. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(2):57–63. (In Russ.)

Татарское национальное движение Башкортостана как и аналогичное движение в соседнем Татарстане, возникшее на волне демократических преобразований конца 1980-х гг., вместе с тем имело свои отличительные черты, обусловленные особенностями политической ситуации и положения с соблюдением прав 1,5 млн. татароязычного населения БАССР. Период предшествовавший возникновению татарского национального движения в республике характеризовался политикой наступления на этнокультурные права татар республики, с целью изменения их этноязыковой идентичности с татарского на башкирский и увеличения таким образом доли «титульного» (башкирского) этноса.

Эта политика, проводившаяся на государственном уровне, и получившая название «башкиризации» включала в себя ряд взаимосвязанных между собой мероприятий. Первое – татарский язык потерял статус государственного, которым он обладал согласно конституции 1937 г., в результате конституционной реформы 1978 г. Второе – вслед за принятием новой редакции конституции в следующем 1979 г. прошла Всесоюзная перепись, которая де-факто легитимизировала поправки в основной закон республики. В частности, по результатам этой переписи выявилось явно искусственное снижение количества татар в процентном соотношении ко всему населению республики, в то же время удивительным образом наблюдался неожиданный всплеск численности башкирского этноса. Например, если сравнить предыдущую перепись 1970 г. с данными за 1979 г., то видно что, несмотря на высокую рождаемость, количество татар уменьшилось с 945 тыс. до 940 тыс. (1979), в то время как численность башкирского населения увеличилась с 892 тыс. до 936 тыс. [9, 10]. И наконец, третье – в это же время в школах западных и северо-западных районов Башкирии насильно начинает вводиться башкирский язык вместо татарского. Это привело к сокращению в этих районах численности обучавшихся на татарском языке (с 111000 в 1978 г. до 21000 в 1987 г.) [8, p. 573.]. Все это были искусственные процессы, проводившиеся вопреки воле самого татароязычного населения республики.

Главной причиной целенаправленно проводившейся политики башкиризации татар, был страх правящей партийной элиты Башкирского обкома КПСС перед перспективой потери статуса автономной республики из-за снижения

количества республикообразующего этноса (башкир) в общей массе населения республики. Однако здесь следует заметить, что помимо этого были и свои субъективные предпосылки для развития таких процессов. В застойные годы среди башкирской партийной и интеллектуальной элиты начинаются процессы к самоутверждению и выходу на главенствующие позиции в республике. А для этого было необходимо не просто лоббировать свои интересы на все политическое пространство, но и была необходимость в целях долгосрочного укрепления своих позиций, склонить на свою сторону большую часть населения республики. Учитывая, что собственно сами этнические башкиры составляют менее $\frac{1}{4}$ населения республики, появилось ошибочное утверждение о необходимости искусственного увеличения этнического потенциала башкирского народа, за счет татароязычного населения Башкирии. Таким образом, интересы каждой из групп – партийной элиты и башкирской национальной элиты, на определенном историческом этапе пересеклись и во многом оказали взаимное влияние на происходящие процессы.

Поэтому ущемление национальных прав, стало главным фактором ускорения этнической мобилизации татар Башкортостана, первые национальные объединения которых появились в Уфе уже 8 марта 1988 г. (городской клуб любителей татарской литературы и культуры им Г. Тукая). На учредительном собрании клуба 8 марта 1988 г., который проходил в здании ДК Резино-технического завода, благодаря частным пожертвованиям его участников удалось собрать 137 рублей, это и стало началом деятельности клуба [7]. На этом собрании присутствовали представители творческой и научной интеллигенции, рабочих, студенчества. Активную роль в создании этой организации сыграли представители татарской литературной интеллигенции г. Уфы. Писатели Юсуф Гарей, Айдар Халим, Фарит Габдрахимов и др. Таким образом, основной костяк организации составили представители татарской творческой интеллигенции г. Уфы.

Постепенно уфимский клуб татарской культуры начал переход с культурно-просветительских рельсов, на политические. В постановлении бюро Башкирского обкома КПСС от 07.03.89 г. по этому поводу сообщается: «...Прослеживаются негативные тенденции в позиции отдельных членов, так называемого: «татарского клуба». ... Клуб вступил в связь с возникшим в Казани самостоятельными формированием – татарским общественным центром» [6, с. 78]. Негативные последствия проводившейся ранее в республике национальной политики, способствовало популяризации их требований и тому, что позиции татарского национального движения республики среди населения укреплялись. «Возникновение общетатарского самостоятельного формирования обострило межнациональные отношения среди отдельной части населения (то есть татарской – И.Г.) республики и потребовало усиленного внимания обкома КПСС к интернациональному воспитанию» [6, с.78].

Усиление национального самосознания татар привело к созданию первого в республике национального объединения общественно-политического характера – Татарского общественного центра (ТОЦ) БАССР, учредительная конференция которой прошла 14 января 1988 г. Это стало возможно благодаря решению пленума ЦК КПСС летом 1988 г., разрешившего в принципе национально-общественные организации» [4]. К тому времени назрела необходимость учреждения новых национальных объединений уже не только куль-

турно-просветительского характера, коим были уфимский клуб, но и в первую очередь общественно – политического характера. Присутствие на этом собрании секретарей уфимского горкома показывало насколько серьезно органы КПСС относятся к появлению данной организации. Партийные структуры уже не могли сдерживать роста татарского национального движения, но отчаянно пытались на первоначальном этапе держать его под своим контролем, и первоначально питая надежды, что новая организация – ТОЦ БАССР, будет под их полным контролем.

В резолюции нашли свое отражение нарушения этнокультурных прав татар республики, происходившие в период I этапа башкиризации и указывавшиеся в письмах граждан которые шли в ЦК КПСС в Москву. А именно: «проводилась политика башкиризации татарского населения методом принудительного изменения национальности при переписи населения, введения башкирского языка в школах вместо родного татарского» [5]. Этот пункт особенно важен ввиду того, что к тому времени центральными властями в Москве, был уже установлен и доказан факт фальсификации итогов переписи 1979 г. В связи с этим отмечалось что «резко сократилось количество школ. А в городах они исчезли полностью» [5]. Тут же поясняется что «в Уфе, где проживает около 300 тыс. татар, осталась всего одна школа с татарским классом, не стало татарских детсадов и групп в дошкольных учреждениях». «Не стало передач на татарском на радио и телевидении». «До сих пор нет в Башкирии татарских театров». И наконец, ключевой тезис – «Татарский язык потерял статус государственного БАССР по конституции... 1978 г.». В связи с этим предлагалось восстановить татарские школы и дошкольные учреждения в местах компактного проживания татар. Также была заявлена необходимость строительства профессиональных татарских театров в республике. Но главная задача состояла в решении языковой проблемы татарского населения республики. «Необходимо восстановить конституционный статус татарского языка, как государственного, наряду с башкирским и русским языками. А также ведения на этой основе делопроизводства на татарском языке» [5]. Вопрос о языке является ключевой проблемой этнокультурного развития татарского населения Башкортостана, и от решения этого вопроса напрямую зависит не только решение остальных проблемных точек, но и в целом политическое положение татар в республике. Заинтересованность татарской общественности республики в создании организации общественно-политической направленности, была обусловлена тем, что несмотря на критику национальной политики проводимой в БАССР с конца 70-х г., в республике осталось еще достаточно мощное лобби, на которое и опирался в свое время первый секретарь Башкирского обкома в лице радикальной башкирской интеллигенции, и поддерживавших их части бюрократии. Особенно сильна была эта группировка в министерстве образования БАССР, которое фактически было и остается одним из главных инструментов национальной политики государства. «В конце 1970–х гг. министерство просвещения, а также учреждения, ответственные за культуру и ранее контролировавшиеся фракцией «этнического самосознания», оказались в руках тех, кто исповедовал принцип «один народ – один язык» [1, с. 120] (т. е. сторонники политики башкиризации). Именно это лобби сознательно саботировало и тормозило необходимые мероприятия по свертыванию политики башкиризации, в связи с этим

у татарской общественности возникла острая необходимость консолидироваться и уже политическими методами бороться за осуществление неотъемлемых прав татар республики. И хоть основные программные цели у возникшего чуть ранее Всесоюзного (позднее Всетатарского) общественного центра (ВТОЦ), центрального органа татарского национального движения, несколько отличались от аналогичных программных установок ТОЦ БАССР, тем не менее последняя, в целях консолидации усилий всего татарского сообщества, направленных на достижение общей цели «всестороннего развития татарской части населения страны» [2, с. 124.], вошла в состав ВТОЦ. Первоначальные задачи цели и задачи ВТОЦ, судя по уставным документам, были в основном сугубо регионального значения, и сводились в первую очередь к провозглашению ТАССР союзной республикой, и к решению национально-культурного развития татар Татарстана. Единственное исключение это 13 резолюция учредительного съезда ВТОЦ касавшаяся вопроса о положении крымских татар [2, с. 197]. Национальные проблемы татар БАССР были главной болевой точкой этнокультурного развития татарского этноса за пределами ТАССР, поэтому неслучайно уже на втором съезде ВТОЦ по Башкортостану принимается специальная резолюция, в связи с нерешенностью вопроса о статусе татарского языка в республике [2, с. 206]. В ней ВТОЦ вслед за татарским национальным движением Башкортостана потребовал включения татарского языка в статус государственного.

В противовес татарскому национальному движению в Башкирии, при поддержке партийных органов был создан Башкирский национальный центр «Урал» (БНЦ «Урал»). С самого начала своей деятельности, идеология этой организации носила ярко выраженный антитатарский характер. В резолюциях и решениях этого объединения резко осуждалось стремление татар к своему национальному возрождению. Негативно отнеслись в БНЦ «Урал» и к главному требованию татарских национальных объединений. «В то же время БНЦ осуждает попытки придания статуса государственного в Башкирской АССР и татарскому языку... Статус татарского языка должен решаться в Татарской АССР, а стремление его огосударствления в Башкирии является покушением на автономные права, политическую и культурно-языковую самостоятельность башкирского народа, имея в виду усиленную его татаризацию» [3, с. 213].

Таким образом татарское национальное движение Башкортостана развиваясь параллельно со становлением ВТОЦ и других организаций в соседнем Татарстане, имело свои глубинные (исключительно регионального характера) предпосылки для своего возникновения, чего не было ни в одном другом субъекте страны, населенном татарским населением. При этом национальные объединения татар были вынуждены лавировать в условиях противодействия им с одной стороны государственных структур отстаивавших интересы Центра, а с другой местных башкирской этнократии. И даже в связи с общим ослаблением национальных объединений в 1990-х гг. по всей стране, татарское национальное движение Башкортостана не прекратило своего существования, и до сегодняшнего дня «татарский вопрос» является серьезным внутривнутриполитическим фактором в республике.

Список литературы

1. Обретая себя проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований авторизованные переводы с английского и французского. Казань, 2006. 132 с.
2. Исхаков Д.М. Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Под ред. М.Н. Губогло. Т. II. М.: ЦИМО, 1998. 289 с.
3. Кульшарипов М.М., Газизов Р.Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы Российского федерализма. Уфа, 2011. 395 с.
4. Рамазанов М. Национальное движение // Идель-Урал, № 1 (68) 1999. с. 1.
5. Резолюция собрания представителей татарской общественности г. Уфы по обсуждению тезисов платформы татарского общественного центра (ТОЦ). 14 января, 1989 г. // Из личного архива Р. Яруллина.
6. Халим А. Гомеремнең ун көне (на тат. яз.). Тольятти, 1996. 672 с.
7. Яруллин Р. «Без үткән юл» // Идель-Урал. № 5 1992. С. 2
8. Gorenburg Dm. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*, 1999. Vol. 22. No. 3. P. 554-580.
9. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам // сайт Демоскоп http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=58 (дата обращения 29.03.2023)
10. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // сайт Демоскоп http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=56 (дата обращения 29.03.2023)

References

1. Finding oneself problems of identity of the Turkic population of the Ural-Volga region on the pages of foreign studies authorized translations from English and French. Kazan, 2006. 132 p. (In Russian)
2. Iskhakov D.M. Sovereign Tatarstan. Documents. Materials. Chronicle. Edited by M. N. Guboglo. T.II. M.: CIMO, 1998. 289 p. (In Russian)
3. Kulsharipov M.M., Gazizov R.R. The newest Bashkir national movement and the problems of Russian federalism. Ufa, 2011. 395 p. (In Russian)
4. Ramazanov M. National Movement. *Idel-Ural*. No.1 (68) 1999. P. 1 (In Russian).
5. Resolution of the meeting of representatives of the Tatar public of Ufa to discuss the theses of the platform of the Tatar Public Center (TOC). January 14, 1989 // From the personal archive of R. Yarullin (In Russian)
6. Halim A. ten days of my life. Togliatti, 1996. 672 p. (In Tatars)
7. Yarullin R. «The path that we have passed». *Idel-Ural*. No.5. 08.03.1992. (In Tatars)
8. Gorenburg Dm. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back. *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. No. 3. P. 554-580.
9. The All-Union Population Census of 1979. National composition of the population by region // Demoscope website http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=58 (accessed 29.03.2023) (In Russian)

10. The All-Union Population Census of 1989. National composition of the population by regions of Russia // Demoscope website http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=56 (accessed 29.03.2023) (In Russian)

Сведения об авторе: Гарифуллин Ильнар Зульфатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, РФ), e-mail: Elnar-1979@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>

About the author: Garifullin Ilnar Zulfatovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Modern History of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420014, Kazan, Baturin str. 7, Russian Federation), e-mail: Elnar-1979@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>

Дата поступления 03.05.2023

Принят к публикации 10.05.2023

Received May 03, 2023

Accepted for publication May 10, 2023

НАСЛЕДИЕ

УДК 811.161.1'373

ЭТНОНИМ «ТАТАРЫ»
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ.
ЧАСТЬ 2***Р.Р. Фахрутдинов****Казанский федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
fahrutdinov.rail@mail.ru*

Настоящая публикация представляет собой вторую часть подборки сведений из источников, в которых зафиксирован этноним «татары». Публикация предлагается вниманию читателя с целью показать на конкретных первоисточниках весь путь генезиса и распространения названия «татары» неотрывно от многовековой истории своего носителя – татарского народа. Во второй части нашей публикации мы предлагаем вашему некоторые сведения из источников второй половины XVI – XVIII вв.

Ключевые слова: этноним, татары, исторические источники.

Для цитирования: Фахрутдинов Р.Р. Этноним «татары» в исторических источниках. Часть 2. *Туркологические исследования*. 2023;6(2):64–76.

THE ETHNONYM "TATARS"
IN HISTORICAL SOURCES
Part 2***R. Fakhrutdinov****Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
fahrutdinov.rail@mail.ru*

Abstract. This publication is the second part of a collection of information from sources in which the ethnonym "Tatars" is recorded. The publication is offered to the reader's attention in order to show on specific primary sources the whole path of the genesis and spread of the name "Tatars" inseparably from the centuries-old history of its bearer - the Tatar people. In the second part of our publication, we offer you some information from the sources of the second half of the 16–18 cent.

Keywords: ethnonym, Tatars, historical sources.

For citation: Fakhrutdinov R.R. The Ethnonym "Tatars" in Historical Sources. Part 2. *Turkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2023;6(2):64–76. (In Russ.)

Из писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда, 1565–1567 гг.:

...Бортные ухोजья в лесех и бобровые гоны в реках во всех Свияжском уезде татарские и черемиские и чувашские, а за крестьяны бортных ухожьев и бобровых гонев не было, а которых селах и деревнях в государевы бортные ухожьи и лесех и бобровые гоны в реках до казанского взятья... Да в тех же селах и в деревнях с татары и с чувашею преж сею жили мордва, и та де мордва разошлася по своим старым улусам, по вотчинам и по ухожьям в Мордву на Мокшу и по Суре... Да к тому же селу с ряду с одною порозжих мордовских земель, что была изменникова Девлизера татарина¹, а пахали ту землю татарове, чуваша из деревни Изачасыры и с тою землёю, што взята от деревни Бежбатмана...»

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 97, 98.

Из «Списка с государевы грамоты о новокрещёных татарах». Об отведении для них особых пашен и истреблении мечети (мечетей), 18 июля 1593 г.:

«От царя великого князя Федора Ивановича (сын Ивана Грозного. – Р. Ф.) всеа Русия в нашу отчину в Казань воеводам нашим... Писал к нам богомолец наш Ермоген, митрополит казанский и астраханский, что нашей отчине в Казани и в Казанском и в Свияжском уездах живут новокрещены с татары и с чувашею и с черемисою и с вотяки вместе и едят и пьют с ними содново (вместе. – Р. Ф.), и к церквам божиим не приходят, и крестов на себе не носят, и в домах своих божиих образов и крестов не держат, и попов в дома свои не призывают, и отцов духовных не имеют, и к роженицам попов не зовут ...и умерших к церкви хоронити не носят, кладутца по старым своим татарским кладбищам, а женихи к невестам по татарскому своему обычаю приходят... и многие же скверные татарские обычаи новокрещены держат безстыдно, а крестьянской (христианской. – Р. Ф.) веры не держитца и не навькают ...и видя в новокрещёных неверье, татарова иные не токмо не крестятца в православную веру и поругаютца христианской вере; да прежде сего от казанского взяття в сорок лет не бывали в Татарской слободе мечети, а ныне де учили (начали. – Р. Ф.) мечети ставити близко посаду всего, как под бука стрелить; и нам бы о том указ учинити... А что митрополит Ермоген писал к нам о мечетях о татарских, что татарова многия мечети в слободе учили ставити, а от казанского взяття и по ся места мечети татарския в Казани не ставливали и указы отца нашего блаженныя памяти царя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и наши о том в Казани есть, что мечетем татарским в Казани быть никак не велено, и то сделалось вашим небреженьем и оплошкою...»

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 147–149.

XVII век. Из книги Кадыр-Али-бека «Джамиг ат-Таварих» («Сборник летописей», перевод одноимённого сочинения Рашид ад-дина на татарский язык с добавлением событий из истории татар), созданной в Касимове в 1602–1605 гг. (перевод наш):

---

¹ Изменник по отношению к русским, т. е. упомянутый Девлизер участвовал в восстании против Москвы.

«Определение владений государства: Правитель-хан Идель-Урала¹, дома (в Москве. – *Р. Ф.*) русский, в поле татарин – по летосчислению в тысяча четвёртом году² стал великим ханом Русского государства. Это поддержанный государством, ставший обладателем московского престола, собрав народ и войско, вставший против своих врагов хан. Победив неприятелей, крепко держа свой меч, черкесы и татары овладели немецкими землями... У всех русских, татар, немцев и поляков есть один хан по имени Борис».

Древняя татарская литература. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. (На татарском языке). С. 474, 475.

Из различных документов (записей, послужных грамот, челобитных и др.) служилых татар:

Из «Записи служилого татарина Ахмамета Ямикеева Свияжскому Богородицкому монастырю в сдаче поместной земли деревни Хозяшева, 1 сентября 1614 г.»:

«Се яз (это я. – *Р. Ф.*) Ахмамет Ямикеев сын, служилой тотарин Свияжского уезда, деревни Татарского Бурнашева... что было за мною государева жалованья в Свияжском уезде в деревне Хозяшеве поместные земли на двенадцать чети³ в поле...»

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 159.

Из «Послушной грамоты крестьянам служилого татарина Чорая Аракова Курмандербышева, 10 апреля 1617 г.»:

«В нынешнем 125 году апреля в 9 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси Араков сын Курмандербышева Чорай, а сказал: «...во 124 году... и государь бы царь пожаловал отца его поместьем в деревне Большом Куюке, а в писцовых книгах Ивана Болтина с товарищи прошлого 111 году написано: по Нагайской дороге в деревне Большом Куюке за служилым татаринном за Араком Курмандербышевым двор помещиков пашни паханья одинадцать четей в поле, а в дву по тому ж, сена отхожего на Куюковой поляне, да за рекою за Камою 330 копен».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 194.

Из «Челобитной романовских служилых татар о непринуждении к крещению, 1647 г.»:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу (отец Петра I. – *Р. Ф.*) всеа Русии бьют челом холопи твои, романовские служилые татарове Джалмурзины половины (рода. – *Р. Ф.*) Исупова, Джамакайко Янсырыков да Чиныкайко Мамедкулов. В нынешнем, государь, во 156 году, перед филипповым заговейном за неделно, романовской воевода Алексей Малышкин

¹ Отрывок взят из введения «Посвящение (или хвала) Борису», т. е. российскому царю Борису Годунову. Автор называет его ханом не только потому, что татары называли своих правителей ханами, но, очевидно, по причине татарского происхождения одного из предков Годунова.

² 1004 г. по хиджри: по милади соответствует 1596 г. Здесь летописец ошибся на два года – Борис Годунов стал царём в 1598 г.

³ Четь – земельная мера, соответствующая половине десятины (десятина составляла 1,09 га земли).

посадил нас, холопей твоих, в тюрьму и мучил, сажал в чепь (цепь. – Р. Ф.) и в железа, и нудил нас, холопей твоих, сильно креститься в православную христианскую веру...»

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 150.

Примечание. Названные выше служилые татары просили царя, чтобы их не крестили, а оставили в своей, мусульманской, вере. В царской грамоте, посланной романовскому воеводе Алексею Малышкину от 21 декабря того же 1647 г. велено, чтобы он, воевода, «татар и иных никаких иноземцев сильно в православную христианскую веру крестить не велел, а призывал бы еси иноземцев в православную христианскую веру ласкою и обнадёживая их нашим государским жалованьем».

Там же

Из «Царского указа 1675 г.»:

«Которые татарские и иных иноземцов поместья и вотчины взяты и розданы в роздачу русским людям (людям. – Р. Ф.) и новокрещёным за крещение в православную веру... а прежним помещиком бусурманом (помещикам мусульманам. – Р. Ф.) не давать; а которым новокрещёным даны отписные старые поместья мурз и татар, а после того мурзы и татарове крестятся, и им старых их поместий не поворачивать же, а велеть им поместья приискивать вновь из выморочных поместий»¹.

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 161.

Примечание. В таких же челобитных, купчих, наказах служилых и ясачных татар, в различных государственных уложениях, указах, грамотах, выписях, делах по челобитным, в таможенных книгах, материалах ревизий состава населения Казани в 1565–1568, 1646 гг., Казанской губернии в 1763 г., в конце XVIII в., Казанского наместничества в 1781–1782 гг., национального состава Казанской губернии 1840 г., материалах Татарской ратуши Казани, в материалах для статистики России и других документах татары названы «татарами», «служилыми татарами», «ясачными (ясашными) татарами», «купцами-татарами», иногда – «мусульманами» («басурманами»), «магометанами». Никаких других названий, в том числе и «булгар», ни в одном документе нет!

Перечисленный круг документов см.: История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 150–207, 237–238, 242–249, 258–260, 264–266, 274, 304–305, 312 и т. д.

Из книги немецкого путешественника Адама Олеария (1603–1671) «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах»:

«Здесь (в г. Касимове. – Р.Ф.), в древнем каменном строении, которое когда-то было замком, проживал молодой татарский князь по имени

¹ Выморочное поместье – поместье, оставшееся после вымершего рода, после смерти владельца без наследников.

Res-Kizl¹ с матерью своею и дедом, которые несколько лет тому назад перешли в подданство Великого князя, и городок этот отдал им для их содержания. Здесь же видали мы и первый Магомеданский храм... достигли города Мурома, населённого русскими и татарами. Здесь начинаются мордвинские татары (татары-мишари. – *Р. Ф.*), все подвластные Великому князю... Народонаселение в Нижнем (Нижний Новгород. – *Р.Ф.*) состоит из русских, татар и немцев...

Город (Казань. – *Р.Ф.*) заселён русскими и татарами, но кремль одними лишь русскими, и ни один татарин не должен быть в нём, под опасением смертной казни... Однажды Великий князь Василий Иванович, отец Грозного, воюя с казанскими татарами, разбил их на голову, покорил их и по своему усмотрению поставил им царя (хана) по имени Шит-Алея. Хотя и этот хан был из татар, но он был более приятен, предан и верен Великому князю Московскому, чем татарам. Кроме того, и видом он был человек безобразный: с длинными отвислыми ушами, большим чёрным лицом, с толстым брюхом, короткими ногами и громадными, отвратительными ступнями; такому-то властителю должны были подчиниться татары и платить подати. Это крайне не нравилось казанским татарам: посему они тайно послали гонца к крымским татарам, с жалобою на своё несчастное положение, на то, как они подпали под власть Великого князя и как ими правит теперь неверный отвратительный хан (царь); причём просили, так как они (т. е. крымские татары) были одной веры с ними, казанскими (именно магометанской), то чтобы помогли им снять с их шеи ненавистное иго».

Олеарий А. Подробное описание путешествия голишинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 394, 396, 399, 413, 414

Из доклада полковника М. Кракова о его действиях против чувашей, маришцев и татар в декабре и январе 1670–1671 гг.:

«...Съезжаютца тотар и чувашаи и черемисы тысячи по три и по четыре и большаи, а ныне де у них немного розъехались... русских людей, и татар, и чувашаи, и черемисы пошло с тысячю человек и больше, и был де у них з государевыми людьми под Олатарём бой, и они де с Алатаря побежали под Саранск наутёк».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 381.

Из книги французского военного инженера, побывавшего в 1630–1648 гг. на польской службе Гийома де Боплана «Описание Украины», 1650 г.:

«Татарский (крымско-татарский. – *Р. Ф.*) фронт² состоит из ста человек и из трёхсот лошадей, потому что у каждого две заводные для перемены и выючения добычи. Восьмидесятитысячное войско выводит более двухсот тысяч лошадей. Зрелище, для невидавшего онаго, удивительно страшное. Не так часты бывают деревья в лесах, как конница татарская, выступающая в поле: её можно

¹ Здесь, несомненно, идёт речь о царевиче (позднее хане) Касиме, которому великий князь московский Василий II подарил мещерский город, переименованный затем в Касимов.

² Фронт здесь не в понимании высшего оперативного объединения из нескольких крупных войсковых подразделений (армий), а в смысле передней стороны, т. е. стороны строя, в направлении которого воины обращены лицом.

уподобить некоему облаку, на горизонт плывущему и, по мере приближения своего, распространяющемуся. В сем порядке движется громада сия... Достигнув границ польских, татары за три или четыре мили делают роздых дня на два или три, избрав для сего место безопасное. Тогда приготовляются к нападению следующим образом: разделяют свои силы на три части – две трети составляет корпус, а одну треть делят ещё на две, и сии полтрети образуют правое и левое крыло. В таком устройстве вступая в землю неприятельскую, днём и ночью беспрерывно подаются вперёд, останавливаясь на один только час для корма лошадей и не причиняя никакого опустошения, доколе не войдут во внутренность той страны на шестьдесят или восемьдесят миль... Каждое крыло, составленное из восьми или десяти тысяч человек, раздробляется на десять или двенадцать отрядов, заключающих в себе от 500 до 600 человек... Татары употребляют в поле хитрость для овладения каким-либо караваном или сокрытия следов своих... Татары изобрели сию хитрость – скрываться в степях, чтобы удобнее провести казаков, с ожесточением их преследующих. Ведая, что неверные (татары. – *Р. Ф.*) числом не свыше 500 или 600, тысяча или тысяча двести казаков садятся на коней и пускаются за ними в погоню, отыскивают следы, по оным местам разделения их. Там приходят в недоумение, не зная где далее искать татар, ибо следы простираются во все стороны, принуждены бывают возвратиться и объявить, что никого не видали. По сей причине весьма трудно встретиться с сими татарами, разве как-нибудь случайно, когда они употребляют пищу или спят; но татары всегда бывают осторожны... Если поляки устремляются на татар, и последние не в состоянии отразить нападений их саблями (поляки были вооружены, помимо мечей, и пистолетами. – *Р. Ф.*), то рассеиваются, как мухи; всякий спешит в свою сторону, на самом быстром скаку стреляя из лука столь метко, что попадает, в кого не целит, на расстоянии от шестидесяти до ста шагов. Поляки не могут их преследовать, ибо лошади польския не столь быстры. Отскакав четверть мили, татары соединяются и целым фронтом производят вторичное нападение на своих противников...»

Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: Изд-во «Межрегион. центр отраслевой информатики Госатомнадзора России», 1997. С. 212, 213, 216, 217.

Выдержки из «Путевого дневника» молдавского учёного, дипломата и писателя Милеску Николаев Спэтарул (Н. Г. Спафарий), составленного во время поездки через Сибирь в Китай в качестве российского посла, 1675 г.:

«А город Тобольск построен на р. Иртыше на высоком месте, на яру, и место zelo красивое, и множество церквей... и дворов, и людей живут в верхнем городе; так же и под горою посад великой, в котором множество русских людей и татар...»

Тара город не малый, и служилых людей много, самые военные для того, что тот город есть на татарской уkraine...»

Резун Д.Я., Василевский А.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. С. 47, 242.

XVIII век. Из книги «Маджмуг ал-хикаят» («Сборник рассказов»), составленной Шакуром бине Гаваз Баки в Тобольске¹, 1703 г. (перевод наш):

«Эту книгу наставлений написал ваш покорный слуга Шакур сын Гаваз-бая, глава татар, по летосчислению в тысяча сто четырнадцатом году², в год лошади по гороскопу, в месяц Рамадан³, в субботу девятого числа. «Таб» – это известное общество и племя в правобережье реки Тобол».

Древняя татарская литература. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. (На татарском языке). С. 504.

Из донесения казанского вице-губернатора Н. Кудрявцева царю, 7 января 1708 г.:

«Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали (присоединились. – Р. Ф.), и многие пригородки закамские, также и на казанской стороне Камы реки дворцовое село Елабугу осадили, и из тех пригородов Заинск, который от Казани расстоянием 200 вёрст, сожгли и людей порубили, а иных в полон побрали; а уездных людей, татар и чувашу Казанского и Уфимского уездов воры башкирцы наговаривают, будто ратных людей посылают прибыльщики без твоего указа, собою, и чтоб везде русских людей побивать, потому что они с прибыльщиками одноверцы; и собрався великим собранием (сборы. – Р. Ф.), хотят итти под Казань».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 389, 390.

«Из анонимной рукописи об акаевщине». Документ составлен в 40-х гг. XIX в., но в нём идёт речь о событиях начала XVIII в. (1704–1708 гг.):

«Название акаевщины присвоено событию потому, что начальником возмутителей был Акай. Это событие кроме акаевщины ещё известно под именем алдаровщины; это был его товарищ Алдар-бай...

Акай⁴ был татарин, наездник, оставивший по себе в этих местах память разбойника, зажигателя, губителя. Он вместе с товарищем своим Алдар-баем появился со своими шайками в Оренбургской губ. лет за сто с лишним до сего времени. По рассказам, причина его появления была та, что он, видя по взятии Казани власть политическую России утверждающеюся и христианство распространяющимся, вздумал положить тому пределы возмущением. Набравши многочисленные толпы из татар, башкирцев и вольницы (вольные казаки. – Р. Ф.), он пошёл с огнём и мечом на православных христиан...

В Оренбургской губ. он сделал ужасные опустошения: пожары и кровь жителей означали следы его... Город Мензелинск взят, разграблен и выжжен. Он уже приближался к берегам Камы, которая и ныне служит границею между Оренбургской и нынешней Вятской губ...

¹ «Маджмуг ал-хикаят» – это вторая часть рукописной книги, являющейся переводом с персидского на татарский язык (название первой части книги не сохранилось). Рукопись книги, созданная в 1703 г., дошла до наших дней в виде списка, составленного в 1775 г. Мухамед-Рахимом, сыном Рафика, из д. Ташкичу Казанского уезда.

² 1114 г. по хиджре (1703 г. по милади).

³ Здесь снова летосчисление по хиджре.

⁴ Акай, о котором речь идёт в данном сообщении, является однофамильцем другого Акая – руководителя восстания 1758–1741 гг. на территории Башкирии.

Жители здешней стороны Камы (Предкамья. – Р. Ф.) предчувствовали беду. Переправа закамских на эту сторону и слух о разбойничестве акаевщины приводили их в ужас; они, наверное, полагали, что Акай не замедлит посетить и их. Такое предчувствие было не без основания. Татары, ещё по сию пору многочисленные в здешнем уезде, слыша о силах их единоплеменника и единовеца и о успехах его, подняли свои головы высоко.

Акай со всеми своими силами переправился на здешнюю сторону Камы, выше села Пьяного Бора и пошёл по берегам на Казань. Татары, здесь живущие, увеличили число его скопищ, присоединившись к нему».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 396.

Из сенатского указа, 21 февраля 1748 г.:

«Секретно посылать в татарския слободы, которые в Казани, и в ближайшия к городу татарския деревни верных людей, и ежели по такому разведованию или по следствию тот их умысел совершенно явится, то как можно скоро стараться пущих зачинщиков переловить и у всех тех татар, которые в слободах и в близлежащих деревнях живут, всякое ружьё, порох и свинец обобрать... стараться оных зачинщиков переловить и накрепко по вышеописанному следовать, и что по тому следствию оказываться будет, о том в Сенат рапортовать с нарочными курьерами».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 420.

Из материалов о восстании Батырши в 1755 г.:

«Главой восстания недовольных и руководителем бунта на этот раз сделался мешерякский (мишарский. – Р. Ф.) мулла Абдулла Мягзялдин, известный в народе под именем Батырши... Он начал с того, что стал пропагандировать среди башкирского населения неповиновение русским властям, хотя ещё не проповедовал открытого восстания. Созная, что башкирцы одни не могли с успехом бороться против русских [властей], Батырша задумал поднять против них весь магометанский мир... Батырша хорошо знал настроение современного ему магометанского мира и потому был уверен в успехе своего предприятия. Он послал приглашение к казанским татарам и к киргизцам (казахам. – Р. Ф.), чтобы действовать заодно, и не ошибся в своих расчётах: и татары, и киргизцы обещались помогать башкирцам в случае восстания. За три ещё года до этого бунта, к Батырше являлся посол от казанских татар, из Казанского уезда, Алатской дороги, Смаил Абюкеев «для разведывания в каком намерении в Уфимском уезде народ обстоит, и объявил, если станут воевать, то и казанские татары все к войне будут готовы и им будут помогать».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 421.

Из «Объявления старшины Турая Ишалина, ноябрь 1773 г.»:

«Перевод с татарского письма на русский диалект, а в нём по переводу значит тако:

Всем народам нашим православным объявляется старшины Турая Ишалина.

Ныне мы, Казанской дороги башкирцы и служилые татары, черемисы и дворцовые крестьяне и все, согласясь, милосердому государю Петру Фёдоровичу (Пугачёву. – *Р. Ф.*) склонились, чтоб его величества не приказал, то мы своих услуг показать должны, не пожалев сил своих, до последней крови капли. Для того мы всепокорнейше ещё просим вашего царского милосердия – в нашу сторону прислать войски и несколько пушек; когда явятца в нашу сторону какие-нибудь супротивники вашему величеству, то нам их сократить (погасить, убить. – *Р. Ф.*) не с чем. Бес пушек ныне у нас подкомандующих более тысячи человек. И всем вам, окольным жителям, изготовлять для нынешней войны с каждого двора по одному казаку и со всеми ружьями затем, что им нынешнюю пятницу город Уфу разорять ехать намерение имеем» (подписали 12 человек – татарские старшины, муллы, сотник, а также марийский «управитель»). Далее:

«Ноября... дня 1773 году.

С сего копия отдана каргалинским татарам при писателе.

Старшины Аслая Курманаева писарь служилой татарин Абдул Карим Рахмангулов руку приложил (подписал. – *Р. Ф.*).

Переводил переводчик Егор Иванов».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 432, 433.

Из книги путешественника, натуралиста, этнографа, академика Петербургской Академии наук И. Г. Георги (Иоганн Готлиб Георги, немец, 1729–1802) «Наблюдения во время путешествия по Российскому государству в 1773 и 1774 гг.» (на немецком языке):

«Татары-крестьяне живут и одеваются как и городские татары, но хозяйничают как тамошние русские крестьяне. Как люди старательные, они не оставляют в запустении свои поля, но извлекают из них порядочные выгоды. Из обычных хлебов сеют они полбу, рожь и овёс, как и русские крестьяне. Они измеряют поля размерами высева семян, а последние батманами¹. Один татарин с одной доброй лошадейю может без посторонней помощи высеять 15 батманов земли. Встречаются татары, которые засевают до 50 батманов земли и соответственно этому содержат число лошадей и рогатого скота и в двойном против того овец. Этого русские земледельцы нелегко достигают».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 221.

Из «Описания всех в Российском государстве обитающих народов» (СПб., 1799. Ч. II):

«Всякая почти деревня (казанских и оренбургских татар) имеет своих кожевников, сапожников, портных, красильщиков, кузнецов, плотников и других сим подобных ремесленных людей. Трудолюбивой деревенской женской их пол прядёт и ткёт собственную шерсть или лён и пеньку своего приобретения. В Уральском городке ткут татарки из некрашенной верблюжьей шерсти нарочито тонкой камлот, который называют они на своём языке армяком...»

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 222.

¹ *Батман* – мера сыпучих тел, использовавшаяся татарским населением, которая составляла 10 фунтов. Батман посева – участок земли, для засева которого идёт 10 фунтов семян.

Из книги российского естествоиспытателя, академика Петербургской Академии наук П. С. Палласа (немец Пётр Симон Паллас, 1741–1811 гг.) «Путешествие по разным провинциям Российского государства»:

«На западной, южной и северо-западной сторонах Уфы жительствоуют так нарицаемые уфимские татары, свойственники казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся. Они составляют, особливо в околотках между реками Белою и Иком, многочисленные жилища. Сии татары из всех уфимских селенников, бесспорно, самые прилежнейшие земледельцы, и по большей части люди небогие».

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Имп. Акад. наук, 1786. Ч. II. Кн. I. С. 7.

Из книги П. С. Палласа «Всеобщая история путешествий» (Амстердам, 1779. Т. 24); исследования 1733 г.:

«В наиболее возвышенной части города (Казани. – Р. Ф.) находится гостиный двор для торговых помещений, выстроенный из камня и состоящий из множества обширных лавок и где можно найти все роды местных и заграничных товаров. Последние здесь продаются по той же цене, что и в Петербурге. Татары в этом дворе имеют свои отдельные лавки, в которых они продают персидские товары, которые состоят почти исключительно из шёлковых тканей... Сенной базар находится рядом с Татарской слободой».

История Татарии в документах и материалах. М.: Соцгэкиз, 1937. С. 240.

Из книги русского историка и экономиста, члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. И. Рычкова (1712–1777) «Топография Оренбургской губернии»:

«Каргалинская, она же и Сеитовская, оренбургских торговых татар слобода, вверх по реке Сакмаре от Бердской слободы вёрст с 20, а от Оренбурга 18 вёрст. К поселению тут во первых явился в Оренбургской губернской канцелярии казанский торговый татарин Сеит Хаялин с детьми, обещааясь на то поселение и других охотников Казанской губернии из пожиточных торговых татар приискывать, предложая некоторые кондиции (условия) по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии и прося, чтобы они притом поселены были и уволены от рекрутских наборов, а вместо того служить бы им во время нужды около Оренбурга службы с прочими нерегулярными людьми; почему представлено было Правительствующему сенату, и дан ему, Сенату, из оно-го августа 8 дня 1755 г., за подписавшем всего Правительствующего сената указ, чтоб его, Сеита, и с детьми к тому селению допустить, и прибрать бы ему к себе на оное поселение из татар Казанской губернии до двухсот семей, людей добросостоятельных и торги производить могущих, считая в семью отца с детьми и со внучатами, також и братьев, кои не в разделе, а для работы посторонних к семейству принимать бы по рассмотрению Оренбургской губернской канцелярии. Притом на вышеписанном основании все они уволены от рекрут, позволено иметь мечеть по их закону, а для их изворота (существования) отведена им пространная земля с довольными угодыями; сверх того под хуторы и для разведения сева хлопчатой бумаги позволено им у башкирцев земли кортомить (сдавать в аренду) и покушать, о чём в том данном ему, Сету, указе

обстоятельно изображено. И так их записалось на то поселение, и ныне по переписи числится их всех, мужеска полу 1158 душ, из которых 998 душ подушные деньги платят в Оренбургскую губернскую канцелярию, а за 160 душ до будущей ревизии отсылаются на прежние их жилища. Дворогого числа (число дворов) в одной слободе имеется до трехсот дворов, которые все построены по течению реки Сакмары и по речке Каргале, впадающей в Сакмару, гораздо не худо; а в середине жила на каменном фундаменте сделана такая мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет».

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. С. 180, 181.

Из книги профессора Галльского университета в Саксонии Тунманна «Крымское ханство», 1777 г.:

«Крымские татары составляют ветвь многочисленного тюркского племени, хотя и смешаны сильно с монголами¹. Об этом свидетельствуют их язык, внешний вид и история... Они живут все, исключая некоторых ногайцев, недавно переведённых в Крым, оседло, в домах, деревнях и городах. Они занимаются хлебопашеством, виноградарством и садоводством, хотя ещё не с должным усердием. Они ревностно занимаются скотоводством.

По большей части они среднего роста, но при этом прекрасного, правильного сложения, задушевность сквозит в их чертах; на лицах читается их честность и добродушие. Они ценят человечность и общественные добродетели. Они просты и легковёрны, смиренны, приветливы, услужливы и понятливы. Они одарены прекрасным природным умом и гибким духом, что делает их в высшей степени способными к образованию. Вообще, они утратили очень многое из той дикой храбрости, которая делала их столь страшными во время первого их появления в Европе². Более знатные из них стараются превзойти друг друга обходительностью и хорошим тоном...

Они чрезвычайно гостеприимны и охотно уделяют всё, что могут, путнику, независимо от его религии. Вообще в Крыму в мирное время можно путешествовать, если и не так удобно, но столь же безопасно и бесконечно более дёшево, чем в самых благоустроенных странах Европы...

Крымские татары разделяются на четыре колена (Stamme) (аймаклар, кабилелер³): 1) Ширин, 2) Барин⁴ (древняя орда, которая сражалась в 1397 г. за Тохтамыша против Тимур-бега), 3) Мансур (Монсур, вероятно, также Мангыт) и 4) Сучувуд. Эти колена имеют своих собственных бегов, называемых крым-бегьлере. Ширинский бег самый знатный среди них. Он вообще самая важная и видная особа в государстве после самого хана, хотя он, собственно, должен быть следующим за калга-султаном⁵.

Хан (т. е. царь, König) претендует на титул падишаха (императора). Он подписывается: Улуг Йортнинг (Йортнын. – Р. Ф.), ве Техти Кырымнинг, ве Дешти Кыпчакнинг улуг хани, что означает: Великий хан великой орды и престола [государства] Крыма и Степей Кыпчака...

¹ Под «монголами» Тунманн, очевидно, имеет в виду монголоидность.

² Т. е. в 1223 и 1237–1241 гг.

³ Племена.

⁴ Барын.

⁵ Калга-султан – главнокомандующий армией страны.

Татары все следуют учению Магомета и очень правоверны (сунниты). Даже после восстановления независимости¹ они признают императора османов своим духовным главой. Они имеют муфтия, своих мулл, своих ходжей (хаджи. – *Р.Ф.*), своих кадиев; эти последние – их судьи. Они молятся в своих мечетях (месджидах) и джами (соборная мечеть. – *Р.Ф.*) пять раз в день... но не преследуют никого за его религию. У них имеются школы, где объясняется Коран и преподаются другие менее важные науки². Христианам и иудеям они предоставляют много религиозной свободы; армяне и греки имеют в городах и в деревнях свои церкви...

Турецкая монета обращается везде в Крыму. Настоящие татарские монеты имеются только двух родов: 1) беас-бешлик, белый пятак, сделан из серебра и содержит пять карабешликов или двадцать ахче (*Achtze*); 2) кара-бешлик, чёрный пятак, сделан из меди с малым количеством серебра и содержит пять ахче. Воображаемые монеты следующие: 1) ахче, 2) татарский пиастр, называемый груш или чюриг и имеющий всегда 20 кара-бешликов и 100 ахче. Таких татарских пиастров или грушей содержится $7\frac{1}{2}$ в одном турецком пиастре и $22\frac{1}{2}$ в одном турецком дукате или алтуне (алтын. – *Р.Ф.*).

Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. издания 1778 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. С. 24–26, 30–32.

Из Кучук-Кайнарджийского мира между Турцией и Россией, 1774 г.:

«Арт.³ 3. Все Татарские народы (Крымского ханства. – *Р.Ф.*), Крымские, Буджатские, Кубанские, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы⁴, без изъятия от обеих Империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но прибывающими под самодержавною властью собственного их Хана Чингисского поколения, всем Татарским обществом избранного и возведённого, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчёта ни в чём никакой посторонней Державе; и для того ни Российский Двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого Хана, так и в домашния, политическая, гражданская и внутренняя их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную Татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии по примеру других Держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих; в духовных же обрядах, как единоверныя с Мусульманами, в рассуждении Его Султанского величества, яко Верховного Калифа Магометанского закона, имеют сообразоваться правилам,

¹ Имеется в виду независимость от Турции.

² По оценке Н. Л. Эрнста, комментатора Тунманна, так с точки зрения просвещённого учёного XVIII в. прим. 118, с. 83.

³ Арт. – артикул, т. е. особая статья в некоторых законах и других официальных актах.

⁴ Здесь крымские татары указаны по территориальному принципу с разделением на отдельные области ханства: собственно Крым, т. е. Крымский полуостров; обширная территория между Дунаем и Днестром на западе под названием Буджак (Бессарабия); Кубань в бассейне одноимённой реки к югу и юго-востоку от Азовского моря с включением Таманского полуострова; Едисан – область между Днестром и Бугом, которая называлась Западным Ногаем (по имени крупнейшего тумена – военачальника конца XIII в., попытавшегося отделить Крымский улус от Золотой Орды). «Жамбуйлуки» (жембойлуки) и «едичкулы» (едишкулы) являлись основными татарскими племенами самой обширной части Крымского ханства (больше, чем сам Крымский полуостров) под названием Восточный Ногай между Бугом и Днепром.

законом их предписанным, без малейшего предосуждения, однако ж утверждаемой для них политической и гражданской вольности. Российская империя оставит сей Татарской нации, кроме крепостей Керчи и Ениколя¹ с их уездами и пристаньми, который Российская Империя за собой удерживает, все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубани, оружием ея приобретённые, землю, лежащую между реками Вердою и Конскими водами и Днепром, также всю землю до Польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков с ея старым уездом, которая по-прежнему за блистательною Портою остаётся, и обещается по постановлении мирного трактата, и по размене онаго все свои войски вывести из их владений, а блистательная Порта взаимно обязывается равномерно отрешиться от всякого права, какое бы оно быть не могло, но крепости, города, жилища и на всё прочее в Крыму, на Кубани и на острове Тамане лежащая, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступя оные области таким образом, как Российский Двор уступает татарам в полное самодержавное и независимое их владение и правление. Також наиторжественнейшим образом блистательная Порта обязывается и обещает, и впредь в помянутые города, крепости, земли и жилища гарнизонов своих и всяких, какого бы звания ни были, своих людей военных в оные не вводить и там не содержать ниже во внутри области сей сейменов или других военных людей, какого бы звания ни были иметь, а оставить всех татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская империя их оставляет».

Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. издания 1778 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. С. 94, 95.

Примечание. Названный договор был обманом со стороны Имперского Двора в отношении «блистательной Порты», то есть Турции и «оной Татарской нации». Добившись объявления «вольными и совершенно независимыми» крымских татар от Турции, иными словами, лишив татар защиты со стороны их южного покровителя, в 1783 г. Россия аннексировала Крымское ханство.

Сведения об авторах: Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений Казанского федерального университета (РФ, Республика Татарстан, Казань, ул. Лево-Булачная 44), e-mail: Fahrutdinov.rail@mail.ru

About the authors: Fahrutdinov Rail – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Historical and Social studies education of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University (Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Levo-Bulachnaia 44), e-mail: Fahrutdinov.rail@mail.ru

Дата поступления 17.03.2023

Принят к публикации 25.03.2023

Received March 17, 2023

Accepted for publication March 25, 2023

¹ Ени-Кала, т. е. Новый город – крепость на северо-востоке Керченского полуострова, на берегу Керченского пролива, соединяющего Азовское и Чёрное моря.

Дата выхода в свет: 12.07.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16.
Тираж 100 экз. Заказ № 85/6.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета.
Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008.
Тел.: (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Распространяется бесплатно.

Publication date: 07.12.2023. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16.
The circulation is 100 copies. Order no. 85/6. Printed from a ready-made layout
in the printing house of the Kazan University Publishing House.
Address: 1/37, Professors Nuzhin str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.
Tel.: (843) 206-52-14 (1705), 206-52-14 (1704)

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the publisher.
Free distribution.

